

18+

МАКС ГАРМАШЕВ
НАРИСОВАННЫЕ
УЛЫБКИ

Максим Сергеевич Гармашев

Нарисованные улыбки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71781991

ISBN 9785006570979

Аннотация

Возможен ли идеальный мир? Хотите ли вы жить в идеальном мире? Ответы на данные вопросы, на первый взгляд, очевидны. Но так ли это на самом деле...

Содержание

Часть 1. 2073 год. Иван Пожарский	5
1	5
2	15
3	26
4	38
5	41
6	51
7	55
Часть 2. 2589 год. Вальтер Паскаль	57
1	57
2	70
3	82
4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Нарисованные улыбки

**Максим Сергеевич
Гармашев**

© Максим Сергеевич Гармашев, 2025

ISBN 978-5-0065-7097-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. 2073 год. Иван Пожарский

1

23 июня 2073 года для Ивана Пожарского началось действительно неплохо. Ему наконец-то удалось поспать восемь часов вместо традиционных пяти. А ведь всего-то стоило не погружаться в омут своих мыслей и грез, как только в доме воцарилась тьма.

Вообще Иван относится к тому типу людей, для которых почти каждый день – это нечто замечательное, время новых свершений и прекрасных открытий (хотя по вечерам частенько оказывалось что это далеко не так). Он встает со своего ложа, провожая незаконченные сны в их удивительный мир, подходит к окну и открывает жалюзи, чтобы улыбкой поприветствовать утреннее солнце. Затем отправляется на кухню, попутно уже читая в полученных сообщениях, какого рода новости ему предстоит сегодня привести в «оптимальный для народа» вид. Ничего необычного. Кроме одного события, произошедшего вчера на закате дня: в сеть просочилась правдивая информация о состоянии и динамике преступности за последние пять лет! И, естественно, показатели кардинально отличаются от приведенных в официальных государственных информационных источниках. Как

оказалось (вот так сюрприз), что на самом деле за эти пять лет преступлений было в три раза больше, чем об этом сообщали различные СМИ.

«Ну, ничего удивительного, – не спеша попивая кофе, подумал Иван, которого ничуть не удивило и не напугало это происшествие, – ведь общее количество населения тоже растет. За последние три года был небывалый бум рождаемости, а чем больше людей на земном шаре, тем больше из них могут оказаться плохими и, соответственно, делать эту статистику.»

И для Ивана (чего не скажешь о других людях) эти оптимистичные мысли о том, что, несмотря на ужасающий рост преступности, баланс «добра и зла» в этом мире остается на прежнем уровне, были еще и довольно прибыльными: он занимал одну из ведущих должностей в главном информационном агентстве страны.

Суть его должностных обязанностей как раз и заключалась в том, чтобы обернуть подобные «неприятные новости» в пеструю обёртку, подходящую по нраву самым разнообразным слоям общества.

И, как можно было заметить, он прекрасно справлялся с данной задачей даже не в силу «невероятной суперспособности – красиво формулировать мысли», а в силу своего оптимистичного мировоззрения. Ведь намного легче «обрабатывать новости», если ты на сто процентов уверен, что все не так уж и плохо, и, что более важно, можешь объяснить

почему!

В сознании Ивана – он не обманывает людей, преподнося вместо правдивой информации «продукт его трудовой деятельности». Он просто пытается сделать их ощущения от жизни лучше.

«Люди не должны бояться жить в этом, хоть иногда и жестоком, но тем не менее прекрасном мире! – эта мысль время от времени проскакивала в голове Ивана, – И я им непременно в этом помогу!»

Это был его своеобразный девиз, который чуть ли ни каждый вечер служил ему формулировкой собственного смысла жизни.

«И что тут сложного было все это время!», – с гордостью думал Иван, полагая, что ему с легкостью удалось найти ответ на один из сложнейших вопросов всех времен и народов.

«Жизни всех этих философов, рассуждавших о смысле жизни, наверное, были чрезвычайно пусты и бесцельны, раз уж они так ничего и не поняли», – с улыбкой на лице, допивая кофе, продолжал плавать в океане своей мудрости Иван.

Около 7:20 утренняя трапеза подходила к концу. Пора было выдвигаться на работу. Иван быстро прикончил пару шоколадных мини тортиков Sweet shock и направился к выходу, захватив на стойке у массивной двери свое рабочее удостоверение, ключ с чипом от машины и электронный пропуск, без которого вот уже восемь лет невозможно было войти на территорию любого здания в этом мире (безопасность

превыше всего!)

Данный пропуск работает по такому принципу: провел по панели, заглянул в средство индивидуализации сетчатки глаза и коснулся штуковины для сравнения отпечатков пальцев с базой данных. Когда Глобальная Система Лиц выяснит кто ты, она сверит полученные данные со списком доступа. Соответственно, если ты в списке – пройдешь на территорию того или иного объекта. В общем-то довольно просто (если не упомянуть, что вся эта операция занимает от трех до пяти минут).

Иван уже через десять минут вышел во двор своего 35-этажного дома и направился к своему электромобилю, попутно уже формулируя статью о просочившейся информации. Из глубоких дум его выбила хорошенькая соседка, возвращающаяся с утренней пробежки. Иван никогда не мог отказать себе в удовольствии побеседовать с ней, когда они вдруг встречались на балкончике их дома или во дворе, на спортивных площадках.

– Привет, Алёна! – начал Иван. – Как жизнь?

– О, здравствуй, Вань! У меня-то все отлично, но новости, которые все чаще и чаще стали появляться в сети, говорят только о том, что возможно так будет далеко не всегда! – она немного нахмурилась. – В три раза!!! Только подумай. Выходить на улицу в таких условиях вообще подвиг!

Улыбка чуть тронула лицо Ивана. Он рассматривал Алёну то ли в поиске слов успокоения, то ли пытаясь, наконец,

понять, зачем же она всегда пытается скрыть свою неоспоримую красоту за какой-то несуразной, нелепой одеждой.

– Да ладно! Ничего тут страшного нет и я сегодня смогу убедить в этом всех. Уж можешь не сомневаться. – наконец сказал Иван.

– Ну уж в этом то я и не сомневаюсь, – слегка улыбувшись, ответила Алена, – Но зачем это государству? Такой существенный обман не вскрывался уже лет пятнадцать, со времен Глобальной Чистки, наверное! Этот, конечно, не бьет так сильно по Их репутации, но, тем не менее, приятного мало.

– Государство должно, помимо безопасности, обеспечивать также и спокойствие населения, так как взаимосвязь этих понятий очевидна. – спокойно начал Иван. – Ты ведь читала «Тень свершений моего отца» Джеймса Джей Джем Карлтона?

Иван прекрасно знал, что читала, но все же спросил. Алена обожала книги. Даже очень старые книги (1980—2020 годов), которые сегодня найдешь, разве что, в некоторых провинциальных библиотеках (возможно даже в бумажном экземпляре)

– Конечно, – начала она. – Но это другое. Мне кажется, такое мы, обычные смертные, должны знать! Мы каждый день выходим на улицы нашей, без преувеличения, прекрасной страны в полной уверенности, что государство посредством всех этих своих разнообразных мер (электронные про-

пуски на каждом шагу, увеличение кадрового состава силовых структур и еще целого комплекса дополнительных мер) все же может обеспечить нашу полную безопасность. А тут в одночасье ты вдруг узнаешь, что нет! Так они еще и обманывают нас всех, чтобы, якобы, «обеспечить спокойствие». Хотя бы его!!!

Сказать, что Иван был обескуражен – ничего не сказать. Но он сохранил спокойное выражение лица и решил, что пора уже заканчивать этот диалог и отправляться, наконец, на любимую работу (пока она не нашла еще какие-нибудь слова, способные пошатнуть его «идеальный мир»). Он знал, что, без сомнения, найдет аргументы в пользу защиты действий государственных структур и уже вечером спокойствие воцарится над всей страной.

– Я тебя услышал. – задумчиво протянул он. – А ты сегодня обязательно посмотри новостной вечерний блок. Я думаю, в течение дня нам удастся выяснить все обстоятельства и обрисовать полную картину всего произошедшего. И уже вечером ты вернешь себе внутреннее чувство безопасности, царящее в твоей душе до вчерашнего дня!

– Ну. Возмо-о-о-о-ожно. – в приятном, мягком голосе Алены читалась явная неуверенность. – Не знаю, какие слова и «новые обстоятельства» смогут вдруг его вернуть. Хорошего дня тебе, Ваня.

– У меня они все прекрасные. – широко улыбаясь проговорил Иван одну из своих коронных фраз и направился

к электромобилю модели G-Electric 7. – Еще увидимся! Пока!

Иван уже провел чипом по светящейся зеленым линии на двери своего средства передвижения, как вдруг услышал у себя за спиной вопрошающий возглас Алены:

– А ты же знал? Ты ведь не мог не знать. Ты работаешь в главном информационном агентстве страны. Отчасти можно сказать, ты – один из элементов этой цепи обмана.

Иван спокойно обернулся и со своей дежурной улыбкой на лице ответил:

– До нашего агентства вся информация проходит еще, как минимум, три степени обработки в более влиятельных информационных структурах. Так что, мы и сами работаем уже с «трижды пережёванными» новостями.

Алена бросила недоверчивый взгляд, но потом мило улыбнулась и, весело сказав лишь «Ладно. Пока!», побежала к входу в дом, доставая из кармана слегка мятых, староватых спортивных штанов карточку электронного пропуска.

Иван, наконец, уселся в своего «седьмого электрика» и, не без раздражения, заметил, что зарядки до конца дня ему может не хватить.

«Не хватало еще остановиться где-нибудь на дороге, вдалеке от всех розеток», – промелькнула мысль. Но он прекрасно знал, что доедет до агентства, а там спокойно зарядит съемный аккумулятор, одолжив зарядку у своего коллеги – Александра Пролова.

Сейчас Иван беспокоился по другой причине: «А ты же знал??? Ты ведь не мог не знать». Этот вопрос почему-то решил прочно обосноваться в его черепной коробке. И прогнать его можно было только одним способом – дать правдивый (в первую очередь для себя) ответ, который и послужит катализатором этого процесса.

Может быть именно потому, что он знал, удивление не посетило Ивана ни на единую секунду, когда сегодня утром он получил сообщение с этой новостью? Может быть именно потому, что он знал, Ивану удалось буквально за пару минут найти как минимум несколько оправданий такого, на первый взгляд, незначительного, но для 2073 года (когда доверие к государству достигло чуть ли не исторического максимума) такого болезненного обмана?

В голове Ивана всплывали только вопросы, которые одновременно были и ответами. Но сейчас ему не хотелось погружаться в такие глубокомысленные рассуждения. Рефлексия никогда не приводила Ивана на солнечную площадку с резвящимися на ней кроликами. Как правило, она завязывала ему глаза и просто вела, а когда приходило время снять повязку, Иван оказывался на краю пропасти, и небо красного цвета, ни одной живой души вокруг. Со дна пропасти пытаются вскарабкаться то ли люди, то ли звери: у них человеческие тела, но огромные когти, за счет которых они карабкаются на вершину, к Ивану, и ужасные, деформированные животные лица. Но это не самое страшное! Ведь они зада-

ют вопросы, ответы на которые могут полностью разрушить мировоззрение Ивана Пожарского. И чем выше они взбираются, тем отчетливее становятся слышны эти вопросы.

Наконец, вернув привычный положительный настрой, Иван все-таки нажал кнопку старта и, стараясь больше вообще ни о чем не думать, направился в сторону своего любимого места работы.

Здание информационного агентства выглядело более чем технологично, даже по меркам 2073 года. Его проектированием и строительством занималась лучшая на тот момент компания NewAgeArt. Соответственно, данная постройка – это «ребенок классической архитектуры середины XXI века» (высказывание Руда Крафта из 89-го выпуска журнала Futuristic 2068 год).

А классическая архитектура сейчас довольно своеобразна, но в то же время и завораживающе прекрасна. Если бы человек, допустим, из 2010 года попал сюда, то взглянув на все эти здания он задал бы сначала один довольно логичный вопрос: «Что вообще не так с законами физики в будущем?!» Дело в том, что, благодаря сочетанию прозрачных и полупрозрачных стеклянных конструкций, строения выглядят абсолютно несимметрично и зачастую складывается впечатление, что отдельные части одного цельного здания просто парят в воздухе.

Иван уже находился напротив агентства и просто всматривался в его фасад (один из каждодневных ритуалов), вы-

хватывая наиболее завораживающие изгибы этой стеклянной змеи, уползающей куда-то в небо.

Через пару минут он все же приблизился к массивной полупрозрачной двери, чтобы, проведя электронным пропуском по панели доступа, постоять еще какое-то время, озираясь по сторонам, пока не закончится процесс идентификации.

2

Быстро, но с неизменной доброжелательной улыбкой на лице, Иван поприветствовал всех коллег по пути к своему наполненному солнечным светом офису. Добравшись до своего рабочего места, он тут же приступил к работе, зная, что как только его товарищ, Саша, изволит появиться в агентстве, их общая продуктивность снизится раза в два, не меньше.

Но сегодня был явно необычный день. Ведь, как правило, Ивану было достаточно тридцати минут сконцентрированной работы над информацией, чтобы сформировать будущую новость чуть ли не в окончательном виде, а сейчас он просто сидел и уже в пятый раз пытался подобрать первые слова открывающего статью абзаца.

Трудность состояла в том, что новостные блоки, созданные информационным агентством, не только печатались в журналах и газетах, но и поступали на стол к ведущим вечерних телевизионных шоу в неизменном варианте, поэтому было необходимо, чтобы «переработанная информация» убеждала как читателей, так и слушателей. Тем не менее, у Ивана никогда не возникало проблем с формой выражения своих «правильных мыслей».

Что же не так сегодня? Может дело в утреннем диалоге с Аленой, когда пошатнулся идеальный мир, созданный вос-

приятием Ивана? Маловероятно. Ведь еще за рулем своего электромобиля ненужные сомнения были отправлены на самую тёмную полку в голове Ивана. Что же тогда?

С каждой секундой этого разрушительного процесса расматривания абсолютно пустой страницы на экране рабочего монитора Иван понимал, что конкретной причины просто нет. Его смущает лишь сама невозможность преобразования серой необработанной информации о преступности в прекрасную новостную бабочку, которая с каждым взмахом своего крыла забирала бы у людей их неожиданно появившиеся страхи о «жизни в (о сюрприз, сюрприз!) не таком уж и безопасном мире».

«Почему они вообще так переполошились из-за этого казуса? – начал размышлять Иван в надежде, что это выведет его на нужный поток мыслей. – В этом ведь нет абсолютно ничего страшного! Да, какое-то время (5 лет!) они жили в обмане. В необходимом, обязательном обмане. Они строили свои жизни, купались в своих грёзах, находясь при этом в состоянии довольно высокого уровня убежденности в безопасности и непоколебимости их завтра. Кому вообще стало бы лучше, если бы они знали о реальном состоянии и об опасностях этого мира?! Жизнь в страхе никогда никому не шла на пользу! Те, кто пострадал от преступлений, считали, что они просто волей случая попали в число немногочисленной «группы невезучих» и, раз уж им и довелось однажды в неё угодить, больше такое не произойдет. Те же, кто

никогда не сталкивался с мерзкими проявлениями человеческой жизни, существовали в полной уверенности, что вероятность стать пострадавшим в этом мире невероятно мала! И все это играло необычайно важную роль! Страх больше не центр человеческой жизни! Можно думать о завтрашнем дне не с позиции «а что если я в одночасье все потеряю», а с позиции «скорее всего завтра я что-нибудь приобрету!» Можно мечтать и, что более важно, приступать к претворению своих грез в жизнь без малейшего страха, что, если ты это сделаешь, риски все потерять возрастут и боль от утраты будет невыносимо сильна!

Эта ложь меняла жизни людей. Она меняла их в лучшую сторону! Она меняла их восприятие, увеличивала любовь к жизни! Почему они все этого не понимают? Почему вдруг все начали сомневаться? Почему я не могу подобрать слов, чтобы их успокоить? Такого еще никогда не было!

Я не могу просто перенести все эти свои мысли в новости! Они не поймут. Когда людям говоришь такую правду, они никогда не понимают! Они могут ее принять, но открыто никогда не скажут, что они согласны «быть обманутыми».

Когда такой порядок вещей существует негласно, все рады и счастливы, даже если что-то подозревают. Но стоит это произнести вслух, как все рушится без возможности восстановить! Этим философским рассуждениям Ивана подошел конец, когда в офис вошел Александр Пролов.

Как всегда медленно, абсолютно никуда не спеша, хотя ра-

бочий день начался еще сорок минут назад. Он молча поприветствовал Ивана ленивым взмахом руки, пересек кабинет и плюхнулся в свое кресло. Саша закрыл глаза, откинул голову на спинку. Создавалось полное впечатление, что он пришел на работу просто доспать то, что не успел ночью.

Но даже если и так, то это никак бы не повлияло на продуктивность. Наоборот, ему бы в таком случае просто никто не мешал свободно прогуливаться по миру мыслей и выбирать те слова, которые убеждали бы всех в правильности его жизневосприятия.

Назвать Александра Пролова хорошим работником мог только очень плохой начальник. Постоянные опоздания и слишком безразличное отношение к своим обязанностям стали его визитной карточкой за семь лет карьеры в информационном агентстве.

Почему же этого парня до сих пор не вышвырнули? Абсолютно логичный вопрос! Да потому что Иван Пожарский и Александр Пролов – лучшая команда агентства по статистическим показателям! Именно они за прошлый год создали наибольшее количество радостных новостей, нашедших отклик в сердцах наибольшего числа граждан!

И, естественно, львиная доля этого успеха – заслуга Ивана. Но Александр нужен. Нужен Ивану как человек для эмоциональной разгрузки. С ним можно всегда поговорить и вынести что-то полезное для себя, хотя Александр, очевидно, и не обладал большим интеллектом.

– Эмм. Хочешь помочь? – начал Иван.

– Не особо, – отрезал Александр, по-прежнему не открывая глаз.

В кабинете воцарилось молчание минут на пять.

– А что мы сегодня делаем? – все-таки решил поинтересоваться Александр то ли из вежливости, то ли из праздного любопытства.

– Информация по поводу показателей преступности, заниженных в три раза. Убедим всех, что это необходимая ложь или что показатели не так уж и наглядны, чтобы все так волновались по их поводу, – объяснил Иван, прекрасно понимая, что не «убедим», а «убедит» он сам: Александр вряд ли будет хорошим помощником в этом деле.

– Занятно, – проговорил Александр, наконец открыв глаза и слегка улыбнувшись. – Государство когда-нибудь прекратит косячить, подкидывая нам работёнку изо дня в день. Сейчас бы просто сидели себе и радостно описывали, как сильно возросла популяция какого-нибудь редкого вида тигрят!

– Забавно, – улыбнулся Иван. – Да мы и так справимся! Всегда справлялись!

– Конечно. Но. – Александр замялся, – Неужели нельзя хотя бы один год не заниматься откровенной фигней. Пусть просто все останется как есть, хотя бы на год. Я, что, так многого хочу? Хватит повышать безопасность своими абсолютно тупыми методами! Очень скоро, чтобы попасть

в свой туалет, мне придется подождать десять минут, пока он не поймет, что это я хочу в него войти, а не грабитель пытается похитить из него несметные сокровища!

– Ого, какая пламенная речь! – рассмеявшись ответил Иван. – У тебя какие-то проблемы с системой идентификации?

– Да! У меня офигительно большие проблемы с этой прекрасной и, что немаловажно, безопасной системой идентификации! – продолжил свою пламенную речь Александр. – Со вчерашнего дня я не имею права войти ни в один стриптиз-клуб на территории нашей необъятной Родины! Оказывается, у стриптизерш очень чуткая душа и они очень сильно обижаются, когда ты распускаешь руки, не подкинув им денег! Согласен, я облажался! Но теперь я не смогу посетить ни одного заведения подобного рода! Где тут справедливость!

Иван смеялся, ничего не говоря.

– А сам порядок?! Это же просто мрак! – продолжал Александр, абсолютно серьезно. – Давай посчитаем, сколько ценного времени нашей жизни мы проводим в ожидании, когда же нас наконец-то пропустят хотя бы на нашу работу!

– На этом ведь не обязательно концентрироваться, – решил все-таки ответить Иван и, сам того не осознавая, начал защищать существующий порядок. – Займись чем-нибудь в эти ценнейшие десять минут твоей жизни. Не знаю, почитай книжку, поразмышляй о чем-нибудь, посмотри по сто-

ронам. Даже в эти десять минут можно наслаждаться жизнью! Она ведь прекрасна!

– Да! Просто замечательно! – с саркастическими нотками в голосе ответил Александр. – Только вот я ни разу не философ, чтобы в ожидании чуда в виде открытой двери рассуждать о насущных вещах! Не удивлюсь, если в скором времени эту систему еще и усложнят! Надо будет еще спускать портки и присаживаться на какую-нибудь машину, которая будет брать у тебя мазок и пропускать, только если количество червей в твоём организме не превышает норму!

– Кого мы обманываем? Вот это тебе бы понравилось! – смеясь, ответил Иван.

– Ха-ха! Очень смешно! – сымитировав смех, ответил Александр. – Я к тому, что это все на данном этапе выглядит совершенно глупо, а как мы теперь узнали, еще и абсолютно неэффективно! А мы должны всех убедить, что так оно и должно быть! Чет не особо хочется!

– Хочется или не хочется, но мы это сделаем! Это наша работа. – начал Иван. – И, как по мне, все у нас хорошо! Я вот полностью доволен своей жизнью. Ведь всегда нужно помнить, что все может быть и хуже. Можем слетать в Рио на выходные. Там эту систему только планируют ввести, и ты сможешь абсолютно свободно войти в любой стриптиз-клуб, но со страхом того, что вероятность не вернуться из Рио домой живым крайне высока! Один из самых криминальных городов все-таки. У всего есть обратная сторона.

– Да уж. – начал поиск слов для ответа Александр. – А можем посетить любой другой город, где тоже есть система идентификации, но работающая в десять раз быстрее и где действительный уровень преступности совпадает с нашим ложным уровнем преступности! Ведь важно использовать все возможные методы борьбы вместе для достижения эффективности.

– Да, ты прав, – ответил Иван. – И когда-нибудь мы до этого дойдем! Но важно уметь ценить то, что уже есть здесь и сейчас! Наслаждаться жизнью сегодня и при данных обстоятельствах, а не откладывать этот момент на завтра, когда наконец-то что-то изменится!

– Я понял твою точку зрения, – кивнул Александр, – но не могу ее принять. Просто потому, что я не считаю правильной позицию тотальной гражданской слепоты. Я не могу просто закрывать глаза на волнующие меня проблемы! А как возможно наслаждаться жизнью, если тебя что-то тревожит?!

– Это возможно, – проговорил Иван почти безэмоционально тоном, каким говорят с людьми, с которыми не очень хочется общаться. – Я убежден, что это возможно.

Иван произносил эти слова, но мысли его уносились совершенно в другую сторону. Сомнение вновь прокрадывалось в его мысли и душу, а это самое нелюбимое чувство Ивана.

«Почему все они концентрируются на негативе? Неужели

им так приятно ныть о несовершенстве существующего быта, а не ценить то, что имеют? Можно открыть любой учебник истории и понять, что в объективной действительности жизнь никогда и не была идеальной. Но люди, считающие себя полностью счастливыми, всегда были, есть и будут. Так почему бы не стать одним из них прямо сейчас, просто начав обращать внимание на хорошее?»

– Ладно. Давай все-таки приступим к работе, – прервал ход своих мыслей Иван. – Значительных успехов в оформлении этой новости я пока что не добился.

– Да. Давай, – поддержал Александр. – Я не планирую задерживаться сегодня из-за какого-то государственного обмана. Приступим.

И они, конечно, приступили. Только вот до конца рабочего дня особого прорыва добиться так и не удалось. Они формулировали, обосновывали, анализировали, пытались найти все новые и новые аргументы, но каждый раз либо Иван, либо Александр (в большей степени он) рушили все наработки очередным контраргументом.

Пелена вечернего полумрака медленно опускалась на город, погружая в свои объятия район за районом. В это время все вокруг становится по-особенному прекрасно. Каждое здание озаряется своим светом, что в стеклянных переливах их конструкций выглядит абсолютно удивительно. Лаймовое свечение информационного агентства поддерживает фиалковое мерцание соседствующей с ним телебашни и золоти-

стое новостного издательства.

Иван никогда не спешил вернуться домой вечером. Ему доставляло особое удовольствие медленно рассекать это световое безумие на своем электромобиле под какую-нибудь спокойную электронную музыку.

– Да уж. Поработали на славу, – приступил к подведению итогов дня Александр. – Три страницы, мягко говоря, не самой качественной новости. Я вообще не припомню, когда мы в последний раз добивались такого ужасного результата!

– В шестьдесят девятом. – не думая ни секунды, ответил Иван. – Тогда произошло третье массовое отключение электроники по всей стране за год. Жизнь как будто остановилась. А все государственные деятели в своих речах лишь твердили, что продолжают работу над решением проблемы и что это не так уж и просто наладить. Мы тогда около недели пытались их поддержать и объяснить всем, что все временно и очень скоро наладится раз и навсегда. И это было действительно не просто, ведь приходилось писать все от руки, что реально было существенной проблемой.

– Помню, помню, – поддержал Александр. – Но у нас все получилось! И мы ведь даже не солгали тогда, ведь с тех времен глобальных отключений не было вообще! Мне особо врезался в память момент, когда мы получили благодарности от президента за проделанный труд.

– Да, да, – подхватил Иван. – И, кстати, ту статью смело можно считать пиком нашей творческой карьеры! Мы рабо-

тали над ней больше двух недель, но результат несомненно того стоил! Массовые митинги и возмущения людей прекратились чуть ли не на следующий день. А уже через неделю все восстановили и доверие людей к СМИ возросло до невероятных пределов. Тогда-то и началось это завоевание доверия населения и небывалый рост рейтинга государства. Ведь с тех пор значительных проблем в жизни нашей страны не возникало!

– Надеюсь, и в этот раз у нас получится, – проговорил Александр. – У нас, конечно, много проблем, но я все-таки искренне хочу вернуть спокойствие в жизнь нашего народа!

– Конечно, мы справимся, – начал убеждать в том числе и себя Иван. – А когда у нас все получится, через несколько лет мы будем вспоминать с теплотой эту историю и удивляться, как же у нас все так удачно вышло!

– Естественно! Ну ладно, до завтра, – попрощался Александр.

– Бывай, – ответил Иван в поисках своего электронного пропуска.

Через двадцать минут он уже сидел за рулем «электрика» и выбирал композицию для своей вечерней поездки-прогулки.

3

Как только композиция была выбрана, Иван отправился домой. В программу электромобиля он забил самый продолжительный маршрут (сегодня ему требовалось чуть больше времени на размышления об этом слегка нетипичном дне). Песня The Road to Nowhere группы Train of Light продолжительностью в 33 минуты должна была поспособствовать приятному расположению духа в пути.

В окна машины просачивались все возможные цвета, которыми переливались здания. Ярко-красный, лиловый, пурпурный, золотистый, небесно-голубой, синий, оранжевый. Может возникнуть логичный вопрос – как от всей этой ядерной яркости всех жителей этого мира не беспокоят головные боли после нескольких минут прогулки? Но люди ко всему привыкают. Когда в 2051 году понемногу начали возводить здания в подобном архитектурном стиле, люди не переставали восхищаться их удивительной красотой и не заметили, как весь город превратился в одну большую гирлянду.

И, как ни странно, многие, в том числе и Иван, до сих пор не могут не наслаждаться вечерними прогулками по такому городу. Дело вкуса.

Иван все ехал и ехал, слушая выбранную композицию и (что ему было на пользу) ни о чем не думая. Сегодня он и так работал в режиме повышенной мозговой активности,

и сейчас ему просто хотелось прокатиться по родному городу и насладиться моментом (то, чему он пытался научить Александра в их жарком споре).

Иван свернул на улицу Мира. Этот район города – один из немногих неблагополучных районов вопреки его названию.

«Наверное, большая часть преступлений, о которых умолчали в официальной статистике, совершены здесь», – подумал Иван, с любопытством оглядывая окрестности.

Он не испытывал страха (хотя следовало бы), так как знал, что, хоть и статистка противоправных действий за последние пять лет плоха, это все равно лучше в сравнении со статистикой двадцатилетней давности.

Панель приборов в электромобиле замерцала. Не очень-то приятное событие в 20:37 в неблагоприятном районе города!

И тут Иван вспомнил о все еще не заряженном аккумуляторе своего «G-Electric 7».

«Ну прекрасно! Придется еще бродить по этим улочкам в призрачной надежде (вероятность примерно 2%), что у кого-то есть подходящая зарядка», – пронеслось в голове Ивана.

Район, начинающийся с улицы Мира, даже визуально не был похож на остальной город. Если весь город был огромной гирляндой (так он выглядел из иллюминатора самолета), то этот район – перегоревшая лампочка в цепи.

Архитектура существенно отличалась. Находясь в этом районе, можно ощутить себя в сороковых годах XXI века. Стеклянных, прозрачных и полупрозрачных конструкций здесь по минимуму. Чаще всего встречаются дома с различными причудливыми узорами на стенах и куполовидными крышами. Этот стиль был довольно популярен с 2037 по 2049 года благодаря его создателю – Франко Ди Анджело, одному из самых знаменитых архитекторов конца тридцатых годов XXI столетия.

Многие люди, которым не нравился новый облик города с его постоянным разноцветным мерцанием, подыскивали себе жилье именно в этом районе.

И, похоже, Ивану предстояло покинуть свой электромо-
биль и отправиться на поиски хоть кого-нибудь с подходящей для аккумулятора «джи электрика» зарядкой. Так он и поступил.

Улицы здесь в это время уже пустовали. Редкие прохожие либо очень спешили и не желали вступать в диалоги с незнакомцем, либо были людьми, не имеющими собственного жилья, и, соответственно, не способные помочь Ивану в его ситуации. Он остановил и окликнул уже человек десять, а решение проблемы не продвинулось ни на шаг.

«Черт! А ведь я в этом районе ни разу и не был. Находясь здесь, спокойно можно поверить, что преступлений было больше, чем отражено в официальной статистике, – подумал Иван. – Очень неприятное место».

Чем дальше он продвигался вглубь петляющих узких улочек, тем больше чувство безысходности овладевало его душой и разумом. Редкие люди даже перестали останавливаться и отвечать ему.

Без сил и желания продвигаться дальше Иван остановился и присел на древнюю скамейку во дворе одного из домов. Иван решил подождать, когда кто-нибудь выйдет, и он сможет попытаться хотя бы заговорить с ним. Может, решение придет само собой?

Так он сидел довольно долго. Уже минут двадцать не было видно ни одного человека.

И вот из-за угла появился силуэт. Иван полными надежды глазами уставился на него. Но все вдруг испарилось, когда он разглядел в этой фигуре лишь очередного бродягу. Выглядел он, конечно, не совсем как обычный бездомный. При первом взгляде так и не подумаешь. Но его выдавали слишком уж изношенные и устаревшие вещи. В 2073 году уже никто не носил вещи более месяца.

На вид бродяге было лет шестьдесят. Густая, но ухоженная борода, пряди седых и иссиня-черных волос собраны на затылке в хвост. Он был в обычных темно-синих джинсах и в черной футболке с уже почти полностью выцветшим изображением. Можно было лишь разглядеть четыре буквы SOAD на груди.

Он заметил, что Иван его пристально разглядывает и двинулся к скамейке. Приблизившись, бродяга доброжелатель-

но улыбнулся.

– Я присяду? – вежливо спросил он, глядя на Ивана улыбающимися глазами.

– Да, конечно, – ответил Иван, одарив бродягу улыбкой в ответ (глядя на его лицо, сложно было удержаться).

Иван прекрасно понимал, что сейчас последует диалог, ведь бездомный мог присесть на любую другую свободную скамейку. Но Иван и не против. В конце концов делать ему было абсолютно нечего без зарядки для «джи электрик».

Но, вопреки ожиданиям, незнакомец сел и уставился куда-то вдаль, не произнося более ни слова.

Беседу начал Иван (возможно, почувствовав, что этот диалог нужен ему гораздо больше, чем бродяге):

– Вы здесь живете?.. В этом доме? – прекрасно зная ответ, из вежливости поинтересовался он.

– Нет, брат. Мои хоромы гораздо шикарнее этих барачков! – с усмешкой ответил бродяга. – Посмотри, насколько это тусклый и непримечательный район! Просто тоска! Но тебе, наверное, по нраву такое, раз уж ты приобрел квартиру тут?

– Я тоже не здесь живу, – с улыбкой проговорил Иван. – У меня мобиль разрядился. Вот я и отправился сюда в поисках помощи.

– Неподходящее время ты выбрал для своих поисков, брат, – отметил бродяга. – Вероятность того, что тебе кто-нибудь поможет в это время, стремится к нулю. Но ты, на-

верное, везунчик, раз все-таки умудрился встретить человека, так необходимого тебе сейчас!

– Да? Неужели у бездомного есть зарядка для «джи электрика»? Это ведь такая необходимая вещь, если ты живешь на улице! – с явными саркастическими нотками в голосе усмехнулся Иван.

Бродяга рассмеялся:

– А ты забавный! Я – Анхель. Как мне называть тебя, шутник?

– Иван, рад знакомству, Анхель! Довольно редкое имя.

– Есть такое. Ну что, пойдём! Так и быть, помогу тебе!

Иван больше не наблюдал на улице ни одной живой души и пойти за малознакомым бродягой было, пожалуй, единственным вариантом, способным хоть как-то продвинуть его к решению проблемы.

Они быстро пересекли пару улиц и оказались на месте. Перед ними находилось всего несколько гаражей. Анхель направился к одной из дверей.

– Вы сейчас откроете свой гараж и там по счастливой случайности будет припаркован «джи электрик»? А вы на самом деле не бездомный, а просто обладаете довольно специфическим чувством стиля? И вы просто одолжите мне свою зарядку? – с улыбкой протараторил Иван.

– Даже и не близко, – серьезно ответил Анхель. – Но я и правда не бездомный. Ты сейчас находишься на пороге моего жилища.

Он быстро ввел какой-то восьмизначный код на очень древнем замке, и дверь гаража начала медленно подниматься.

То, что открылось взору Ивана, поразило его сильнее всего в жизни. Это была очень маленькая, но в то же время очень уютная квартирка. Вся техника внутри была очень устаревшей, но при этом выглядела намного функциональней всего современного барахла (да, именно это слово всплыло у него в голове при сравнении с новинками техномира). Иван подошел к небольшому съемному экранчику на стене.

– Это мое окно в сегодняшний мир. Новости, книги – все там! – отметил Анхель, увидев удивленное лицо Ивана.

– Какого он года? Никогда не видел таких моделей!

– Я смастерил его пять лет назад. И он, кстати, еще и довольно неплохо работает, – с гордостью ответил Анхель.

– Смастерил? Супер! Вы, что, один из тех причудливых изобретателей-миллионеров, которые считают, что деньги – это просто циферки на счету и они ничего не решают, и поэтому ведете бродяжнический образ жизни?!

– Нет. Я вообще не имею счета, – улыбнулся Анхель. – Но я, действительно, сам выбрал такой образ жизни. Расскажи о себе, Иван! Обо мне ты узнал уже и так почти все! Я довольно редко общаюсь с людьми, но сейчас мне скучно и я готов поболтать.

– Я работаю в информационном агентстве, – не отрывая

взгляд от удивительного гаража, начал Иван. – Моя обязанность – формировать у людей чувство того, что они живут в прекрасном и безопасном мире! Делать их восприятие лучше! Я люблю свою работу! Еще я...

– А-ха-ха-ха! – громко рассмеялся Анхель. – Но ты же так не считаешь!?

– Я в этом убежден на все сто процентов! – Иван наконец-то оторвался от изучения содержимого гаража и медленно перевел взгляд на Анхеля.

Это уже третий человек за сегодня, которого удивляют, возмущают или просто смешат его взгляды. А Иван уже просто не хочет спорить и убеждать.

– Интересная позиция, – серьезно сказал Анхель.

К удивлению Ивана, Анхель не стал развивать спор и остановился на этом.

– Вы так не думаете? Вам не нравится жизнь в нашем государстве?

– Да нет. Меня-то все устраивает. Но в государстве, где все хорошо и все довольны, ты был бы не нужен! Я думаю, ты это и сам понимаешь, брат. Там не нужно ничего ни у кого формировать, – отметил Анхель.

– Не думаю, – спокойно ответил Иван, – Везде и во все времена найдутся люди, которые чем-то недовольны, и это будет им мешать в полной мере наслаждаться их жизнью. И я буду нужен, что бы открыть им глаза.

– Ого! Какая у тебя грандиозная и благая цель! Удачи те-

бе в её достижениях! – Анхель не стал протестовать. Его, действительно, поразила такая твердая оптимистичная позиция.

– Что еще из того, чем оборудована эта комната, ты сделал сам? – перевел тему Иван.

– Не хотелось бы хвастаться, но абсолютно все! – ответил Анхель.

– Ты такой отличный мастер и нигде не работаешь? И живешь в гараже?! Почему? – продолжал расспрашивать Иван.

– Я уже давно минимизировал связи с внешним миром. Мне удобен такой образ жизни. Все очень сильно изменилось за последние сорок лет! Я просто не смог влиться в новый мир, так как не особо хотел этого. Мне нравится быть сторонним наблюдателем этой новой жизни, но не ее непосредственным участником, – ответил Анхель.

– Но ведь так было не всегда?! Ты же не мог пройти через всю жизнь в роли отшельника?

– Конечно, не всегда! До тридцати лет я работал на обычной работе, был женат и думал о подходящем времени, чтобы обзавестись детишками! – без тени грусти и ностальгических чувств продолжил Анхель. – Но моя жена со временем стала частью этого нового мира, а я так и не смог. И пошел по своему пути.

– Чем тебе так сильно не нравится эта «новая жизнь»? Почему «новая»? Что вообще так сильно выбило тебя из колеи? – Иван просто не мог понять, с кем он разговаривает: с психом или с величайшим мудрецом современности.

– Нет, я не ненормальный, – с улыбкой ответил Анхель. – Я всегда выбирал наиболее благоприятный для себя путь.

Иван вздрогнул. Он еще и мысли читает, что ли?

– Бог дал мне великий талант – смотреть в самую суть вещей. Я четко понимал, чего хочу, и мог выбирать. Выбор есть только тогда, когда ты видишь два альтернативных пути. А что до нового мира, то в нем на ведущие роли выходят ложь и пустота. Информации стало в разы больше, чем во времена моей молодости, а необходимой, важной информации в несколько раз меньше. Люди ее воспринимают, даже не осознавая, что это обычный информационный шум и что вреда от нее больше, чем пользы! Правда больше не нужна, так как она не сделает вас счастливее, а вот ложь – легко!

– Я как работник информационного агентства просто не могу согласиться, – ответил Иван. – Я в своей карьере лгал от силы пару раз. И то, чтобы немного приукрасить. Это абсолютно безобидная ложь. Ложь во благо!

– То, что ты веришь в свою ложь, не делает ее правдивой, – усмехнулся Анхель. – Ну да ладно. Хватит. Мы здесь не для того, чтобы менять мировоззрения друг друга!

Анхель подошел к маленькому шкафчику, провел пальцем по ярко-желтой панели, и тот тут же отворился. Анхель достал довольно громоздкую массивную штуковину, не похожую ни на одно знакомое зарядное устройство.

– То, что ты искал, – Анхель протянул ее Ивану.

«Значит все-таки псих» – промелькнуло в голове у Ивана.

– Заряжает вообще всё, что можно, – сказал Анхель. – Думаю, твой электромобиль не исключение.

Он подошёл к экранчику на стене, подсоединил, и голос из динамиков проговорил: «Устройство находится на зарядке. Примерное время полной зарядки – сорок пять минут». Затем подключил это же чудо-изобретение к системе контроля температуры в помещении, и Иван услышал того же робота-помощника с похожей фразой. Удивление (ставшее уже привычным попутчиком) вновь вернулось.

– Эм-м. Почему у нас до сих пор нет ничего подобного на рынке, а ты, Анхель, до сих пор не миллионер? Это ведь легко можно запатентовать и запустить в массовое производство! – с удивлением чуть ли не прокричал Иван.

– Как ты мог понять из нашего диалога, мне это не особенно и нужно. Этот мир идет своей дорогой, я – своей, – спокойно ответил Анхель. – Бери. Я себе еще одну смастерю. Она довольно проста в изготовлении.

Иван протянул руку, взял зарядку и где-то минуту вертел ее в руках, пытаясь раскрыть секрет.

– Спасибо, – наконец сказал он.

– Без проблем, брат! Береги себя. И удачи тебе в успокоении людей. Похоже, у тебя действительно благие намерения, – провожая Ивана, попрощался Анхель.

– Пока, странный полумудрец-полупсих, – с улыбкой ответил Иван.

– Заходи в гости, если что, – Анхель провел пальцем

по панели и дверь в чудо-гараж закрылась перед стоящим в оцепенении Иваном.

Иван в задумчивости даже не заметил, как проделал путь обратно до своего электромобиля. Подключая зарядку, он был на сто процентов уверен, что она сработает и что он держит в руках устройство, которое могло в свое время принести изобретателю известность и огромные деньги (Иван даже и не подумал о возможности воспользоваться этой ситуацией и запатентовать устройство, находящееся у него в руках).

«Как можно сознательно отойти от всего, что происходит в мире, и просто наблюдать? И ведь он абсолютно счастлив, даже несмотря на то, что прекрасно видит все происходящее! Как он достиг такого уровня просветления?» – Ивана не покидали различные мысли и все новые и новые темы для размышления. (Что за день открытий!)

«Выбор есть только тогда, когда ты видишь два альтернативных пути. Вижу ли их я? Хочу ли видеть? Я всегда сознательно закрывал глаза на факт наличия альтернативы. Мне было комфортно не видеть ее. Может попробовать наконец увидеть?!»

Через пять минут приборная панель «джи электрика» мерцанием вернулась к жизни, и Иван, теперь уже в полной тишине, отправился домой. На часах было 00:47. Завтра на работе Иван появится явно не с утра, даже несмотря на сложность формируемой новости. Но сейчас он про-

сто ехал и думал. Думал, (наверное впервые за долгое время) подходя к предмету своего размышления с различных точек зрения.

И, на удивление, эти мысли не казались ему вредными. Ранее после нескольких минут таких рассуждений он всеми силами пытался переключить свое внимание на что-нибудь другое, но точно не сейчас. Сейчас он наслаждался полной картиной, которую постепенно рисовало воображение. Он видел свою роль в этом мире не абстрактно, как ранее, а абсолютно четко понимал, чем он занимался все годы своей карьеры в информационном агентстве.

Неужели это тот самый момент, когда розовые очки будут сняты, и мир Ивана подвергнется необратимым трансформациям, как и вся его последующая жизнь? Но нет! Черт возьми, нет! Этот человек оказался просто непробиваем!

Теперь, когда Иван абсолютно четко видел, что творил в своем офисе, в информационном агентстве, он понимал, на что на самом деле способен!

На протяжении огромного промежутка времени ему удалось убедить людей в чуть ли несуществующих вещах! Он мог бы сказать: «Медведи летают и несут яйца» – и люди бы ему поверили! Он может влиять на массы!

Теперь он действительно это понимал и его главная цель приобрела максимально отчетливые очертания – Иван Пожарский станет величайшим писателем в истории человечества! Его книги будут менять мышление людей! При по-

мощи литературы он сделает всех абсолютно счастливыми! Он сможет научить людей ценить каждый замечательный момент их удивительной жизни!

Полный воодушевления Иван даже не заметил, как доехал до своего дома и уже минут десять просто сидит за рулем и перекладывает из руки в руку электронный пропуск. Пятнадцать минут в ожидании завершения процесса идентификации также пролетели как одно мгновение.

Оказавшись дома, Иван сразу лег спать, находясь в полной уверенности, что завтра будет не менее удивительный и прекрасный день, чем сегодня.

Выбор способа воздействия на массы не был трудным. Для человека, ставшего одним из лучших создателей новостей, это и не выбор вовсе. Мастерская работа со словом должна стать залогом успеха будущих великих произведений.

Иван, проснувшись с утра, сразу же скомандовал домашнему помощнику записать его слова. Экран на стене мелькнул и застыл с чистой страницей, на которой суждено было начаться первому легендарному произведению Ивана Пожарского.

На работе Ивана сегодня ждали не раньше 12:00. Начальник ценил одного из лучших своих новостников и позволял ему больше, чем остальным. Когда Иван предупредил Александра о своем отсутствии с утра, тот произнес что-то вроде: «Ну что ж. Когда ты все-таки изволишь появиться, статья будет готова, а твоя задница будет у меня в подчинении». Иван посмеялся, будучи уверенным, что за новость даже никто и не подумает взяться до его прихода.

И он начал творить.

Проблем с началом книги не возникло, в отличие от оформления вчерашней новости. За два с половиной часа плодотворной работы было готово порядка десяти страниц.

Произведение не имело как такового четкого плана.

Не было в нем и яркого главного героя. Это был просто огромный пламенный монолог Ивана Пожарского, призванный пробудить те или иные чувства в читателе.

Картина того, как выглядел сам процесс творчества заслуживает отдельного описания: Иван в домашнем халате изумрудного цвета стоит перед настенным экраном и, размахивая руками, толкает речь. Лицо раскрасневшееся: он явно представляет, как стоит на огромной сцене и его слова громом раздаются над многотысячной аудиторией и молнией врываются в души каждого человека, не оставляя равнодушным не единого слушателя.

Иван говорил и говорил. Он даже ни разу не запнулся! Он произнес десять страниц текста без передышки и запинки!

Иван поймал себя на мысли, что стать писателем должно быть, действительно, его предназначение: настолько складно и легко у него все получалось. Говорил все два с половиной часа не он, а его душа. Все мысли и чувства, отразившиеся на начальных десяти страницах, настолько плотно въелись в его сознание, что даже не нужно было подбирать подходящие слова, чтобы должным образом отразить истинный смысл авторской задумки.

Когда Иван очнулся и взглянул на часы, то тут же начал собираться на работу. Писательство писательством, а свое нынешнее место работы он продолжал любить. Ему, конечно, не очень то хотелось вновь приступать к переработке новости о заниженных показателях преступности, но это про-

должало быть его обязанностью, да и своеобразным вызовом его профессиональной пригодности.

Всю дорогу к информационному агентству (пятнадцатиминутный выход из дома, поездка на электромобиле, идентификация на месте) он уже обдумывал возможные варианты формулировки новости и искал все новые и новые аргументы. Не то что бы это сдвинуло процесс с мертвой точки, но удержать свой мозг в тонусе Ивану удалось.

В агентстве уже во всю «трудился» Александр (пялился в портативный экран и изредка посмеивался).

– Я так полагаю, статья уже готова, и мы одержали очередную громкую победу?! – саркастически сказал Иван, глядя на своего коллегу, который, не отрываясь от экрана, махнул ему.

– Так и есть, умник! Она здесь, – ответил Александр, указав на свою черепную коробку.

– Прекрасно! И когда она приобретет окончательный вариант?

– О, черт! Забыл сохранить в памяти, когда придумал! Извини! Придется начинать сначала. Я подвел нас, товарищ! – Александр соорудил виноватое лицо, быстро переходящее в безразличие, и вернулся к интереснейшему экрану. – А ты вообще пришел за четыре часа до конца рабочего дня! Не тебе меня судить, мистер Пожарский!

– Даже и не думал, – с улыбкой ответил Иван. – Ну что? Начнем?

– Что ты делал? Что вообще могло отвлечь тебя от глубоко обожаемой работы?! – игнорируя вопрос, продолжил Александр.

– Нечто более важное и значимое в глобальных масштабах, – глубокомысленно изрек Иван.

– Спасибо, конечно, за спасение мира, Брюс Уэйн, но у нас тут как бы проблемы – кое-кто обгадился и нам все еще нужно убрать за этим кое-кем.

– Ну так давай же начнем!

И они начали (Иван начал). Но серьезному продвижению в этот день все также не суждено было свершиться: Александр то и дело отвлекался, а мысли Ивана были где-то далеко от уже готового заблестать ядерно-лаймовым цветом информационного агентства.

– Такими темпами нам скоро придется искать новую работу из-за увольнения по профнепригодности, – начал подведение итогов дня Александр, откинувшись на кресле и пристально рассматривая потолок.

– Еще пару-тройку дней, и мы победим, – ответил Иван, отчасти уже согласный с Александром.

«Что-то явно не так. Я не чувствую ни малейшего продвижения. Теряю хватку, – думал Иван. – Мысли перепрыгивают с одной на другую, концентрация на нуле. Сашка-то прав. Я вон уже собрался сменить работу и стать писателем. Писателем, который не может даже новостную статейку составить. Первая трудность, и вот я уже готов сдать! Хороший

писатель! Книгу я, наверное, так же составлю – надиктую сорок-пятьдесят страниц и, как только мысль зайдет в тупик, заброшу!»

Пребывая в уже родном состоянии задумчивости, Иван попрощался с коллегами и отправился в сияющий ярким цветовым разнообразием город.

Он четко решил еще раз навестить своего нового знакомого, Анхеля, и вернуть ему изобретение, а заодно и побеседовать. Этот странный бродяга со вчерашнего дня не выходил у Ивана из головы, надиктовывая некоторые строчки его литературного произведения. Обладая довольно странным образом жизни и внешностью, Анхель действительно производил впечатление на окружающих, но оно, как правило, было негативным и чаще отталкивающим.

Ивану же, напротив, хотелось побольше узнать о нем, а, может, и просто послушать. Он знал, что беседа с Анхелем могла значительно поспособствовать прогрессу составления его вдохновляющей книги.

Сегодня Иван ехал без музыки. За окном «джи электрика» быстро проносились светящиеся здания, превращаясь в обычные цветные линии на фоне которых Иван размышлял о различных волнующих вопросах. Сам не заметил, как уже парковал мобиль в одном из узких переулков близ «дома» Анхеля.

Находясь в этом районе уже второй раз за два дня, Иван отметил его уникальность.

«Он не отсталый, он просто другой. Он всего лишь выделяется, а все заведомо считают его жизнь неблагополучной» – подумал Иван.

Анхель был снаружи своего чудо-жилища и что-то мастерил. На очень древнем столике были разбросаны шестеренки, пластины из какого-то странного материала и еще множество деталей, которых Ивану видеть не удавалось.

– Здравствуй, Анхель, – Иван все-таки прервал изобретателя. – Решил смастерить вечный двигатель на пару лет раньше, чем «Всемирное бюро разработок»? Поспеси, они вроде бы уже близко.

– Приветствую, мой друг! – Анхель резко обернулся и одалил Ивана улыбкой. – Да уж. Какой мне от этого прок? Как будто я не обойдусь без вечного двигателя в своей повседневной жизни!

– Привез обратно твою универсальную зарядку.

– Можешь оставить себе, – ответил Анхель, освобождая стол от деталей. – Я уже сделал себе новую.

– Эм-м. Серьезно? Так быстро?! – на лице Ивана читалось неподдельное удивление. – Прошло ведь чуть меньше суток.

– Ну да. Так ведь сейчас без этих зарядных устройств никуда, вот я сделал по-быстренькому.

– Ясно, – протянул Иван. – Над чем сейчас работаешь?

– Пока непонятно, – добродушно ответил Анхель. – Прошелся по городу, заглянул на старенький Технологический завод, который уже еле-еле сводит концы с концами. Взял

у них немного материалов, может, что-нибудь придумаю интересного и инновационного. Передам владельцу завода. Пусть запатентуют и запустят в массовое производство. Не хочу, чтобы они закрылись – я там работал какое-то время. Хорошие люди.

– Забавно. Но ведь ты же уже придумал! – с непониманием воскликнул Иван и указал на зарядку, лежащую на столе.

– Нет, это не то. Не то, что должно оказаться у всех сейчас, – ответил Анхель и улыбнулся.

По его тону и улыбке Иван понял, что задавать вопрос «почему?» просто бессмысленно.

– Как у тебя прошел день? – почувствовав недоумение собеседника, перевел тему Анхель.

– Так же, как и вчерашний – бессмысленно и непродуктивно.

– Не бывает бессмысленных дней! – уверенно отметил Анхель. – Даже если тебе так кажется, то, если немного подумаешь, с легкостью отметишь несколько полезных действий, мыслей, которыми он был наполнен.

Иван улыбнулся, отметив правоту этого высказывания.

– Ну вообще ты прав. Я начал составлять книгу. Думаю, это одно из лучших моих начинаний за долгое время.

– Книгу?! – с удивлением переспросил Анхель. – Где-то лет пятнадцать-двадцать уже не слышал, чтобы кто-то занимался этим, как многим сейчас кажется, бессмысленным занятием! «Составлять книгу». Раньше говорили – «писать

книгу». Как-то не так слух режет.

– Да, не так, – согласился Иван. – Но сейчас это словосочетание просто не имеет смысла.

– Тоже верно, – согласился Анхель.

На несколько минут воцарилось молчание. Потом они все-таки решили войти в гараж, где Иван прервал паузу:

– Не хочешь поинтересоваться, о чем она будет?

– Какой смысл портить себе впечатление? Вот выпустишь ее в окончательном варианте, тогда и ознакомлюсь, – ответил Анхель. – Хочу лишь спросить, почему именно книга? Ты ведь должен прекрасно понимать, что сегодня «если хочешь сказать что-то важное, чтобы тебя не услышали, скажи это в книге»!

– Саймон Кроули «Прогулка среди ничего», – тут же узнал цитату Иван. – Но я не согласен! Я думаю, что это все преувеличение! Книги будут актуальны всегда! Я не считаю человечество недумаящим и не способным воспринимать никакую информацию, кроме льющейся из портативных экранов.

– Твоя книга будет воздействовать на них из тех же самых экранов, – отметил Анхель, чуть заметно улыбнувшись.

– Да, но я о другом.

– Я понял, расслабься, – рассмеявшись, сказал Анхель.

– У меня не было другого выбора. Я большую часть жизни проработал в информационном агентстве, при помощи слова убеждая людей, что этот мир не так уж плох, как

им кажется. Теперь я хочу большего! Создать что-то вечное. Не эти каждодневные новости, которые забудутся через неделю, а то, что введет меня в историю. Заставит людей поменять свое мировоззрение, полюбить этот мир, жить, не сетуя на какие-то проблемы, а концентрироваться на вечных и более приятных вещах!

– Вау! – воскликнул Анхель.

На его лице читался восторг, но понять степень его наигранности было сложно.

– Но что первостепенно? Войти в историю или же все-таки менять взгляды людей в лучшую сторону? – спросил Анхель.

– Что? – переспросил Иван, действительно не понимая, к чему клонит его собеседник. – Зачем определять, что первостепенно? Если я создам что-то действительно стоящее, то одно непременно будет связано с другим!

– Если у тебя главная цель – стать знаковой личностью, то ты явно выбрал не то средство, а если ты действительно хочешь менять взгляды людей, то для начала спроси у них – нужно ли им это, – добродушно расшифровал смысл своих слов Анхель.

Иван замолчал. Он был поражен то ли самим вопросом Анхеля, то ли его глупостью. Иван принял его за мудрого человека, повидавшего многое в жизни и понимающего явно больше других. К чему эти неуместные вопросы?

– Не очень понимаю, о чем ты, – все-таки начал Иван, – но подумаю об этом и разберусь в себе.

Сказано это было явно из вежливости. Иван даже и не думал пытаться найти ответы, так как искренне не мог понять целесообразность этого процесса.

– Ну да ладно! – улыбнувшись, сказал Анхель. – В любом случае желаю, чтобы у тебя все получилось! Как мне кажется, ты достоин!

– Спасибо!

– Не забудь сообщить мне, когда она будет опубликована в сети! Уже не терпится взглянуть на этот мир с другого ракурса! – сказал Анхель, провожая гостя, направляющегося к выходу.

– Конечно! Ну мне пора. Всего доброго, Анхель.

– Пока, будущий гений литературного искусства, – с неизменной улыбкой на лице попрощался Анхель.

Иван очнулся во дворе своего дома, абсолютно не заметив, как тут оказался. Опять всю дорогу размышлял над тем, что ему наговорил Анхель.

«Нужно ли людям, чтобы я менял их сознание? Что за бред! Конечно! Они ведь сами не понимают, насколько не правы! И когда они увидят, что можно мыслить по-другому. Когда они поймут истинную суть моих слов – станут в разы счастливее! А кто из нас не хочет быть счастливее? Все очень просто! Вот и вся логика».

Иван покинул своё транспортное средство и направился к входу в дом, наверное, впервые за все время с чувством дикого нежелания ждать окончания процесса идентификации, чтобы войти в свое же жилище.

Прошло около пяти минут. Иван начал выходить из себя: ему казалось, что он стоит тут уже полчаса. Из-за угла вышла пара – мужчина с девушкой. Это явно были возлюбленные, возвращающиеся с романтического свидания: они держались за руку, смеялись, в их глазах читалось неподдельное счастье от наслаждения компанией друг друга. В девушке Иван узнал Алену. Парня он не знал, но уже его недолюбливал.

В душе Ивана заскреблось чувство, которое не было частым гостем. Нарастающая ярость от процесса ожидания

сменилась просто состоянием душевного упадка или даже стресса. Таких эмоций Иван не испытывал (просто не обращал на них внимания, отгонял от себя) уже, наверное, лет восемь. Сказать простыми словами – ему просто стало хреново.

Аппарат идентификации издал характерный звук: полупрозрачная дверь с переливающимися красно-синим цветом контурами отворилась (наконец-то!). Иван вошел. Сейчас ему уже точно не до разговоров с кем-либо, но, видимо, придется, так как Алена, поцеловав молодого человека на прощание, вбежала за ним, и они вместе вошли в лифт.

– Приветик! – кинула она. – Как мне повезло, что ты припозднился сегодня! Не пришлось ждать, пока эта адская машина пропустит домой.

– Ага! Здравствуй, – ответил Иван тоном человека, не спавшего уже три дня.

– Плохой день?

– Вовсе нет. Я бы даже сказал весьма... плодотворный, – замаявшись, подбирая прилагательное, ответил Иван.

«Плодотворный! Серьезно? Ты, что, написал статью? А может у тебя в голове уже сложился полный сценарий твоей книги? Ты смешной, Ваня!» – подумал он про себя.

– Ну и отлично! – улыбнулась Алена. – Что-то в новостях молчат. Как-то странно! Событие-то пошатнуло веру в идеальность государства у многих граждан, а в новостных блоках вакуум, как будто ничего и не произошло.

– Мы работаем над этим. Еще немного и все успокоятся, – устало сказал Иван. – Пока могу сказать лишь тебе – будь спокойна. Мы живем в отличной стране в замечательное время, и все у нас будет хорошо.

– Верю тебе, – спокойно проговорила Алена, положив руку на плечо Ивану. – Очень хочу верить и верю!

Лифт остановился. Алена по традиции одарила Ивана милой улыбкой и выпорхнула в опустившиеся створки, пожелав ему приятных снов. Иван лишь устало изобразил нечто, отдаленно похожее на улыбку, и махнул рукой в знак прощания.

Оказавшись у себя в квартире, Иван улегся на диван в гостиной и закрыл глаза. Чувство подавленности все усиливалось и даже не думало убираться из этого оптимистичного мировосприятия одного конкретного человека.

Но вот что странно. Иван и не хотел, чтобы оно уходило. Он наконец испытывал что-то помимо радости в ее различных вариациях: просто радость от какого-то приятного события в жизни, радость, потому что сегодня приятный солнечный день, радость от законченной новости и от предвкушения успокоенных лиц людей, встретившихся на улице, и даже навязанная самому себе радость, чтобы скрыть менее приятные, но оттого не менее важные и нужные в жизни человека чувства.

Он наконец начал понимать смысл поиска честного ответа на вопрос «А нужно ли людям, чтобы им меняли мировоз-

зрение?» Негативные эмоции тоже очень сильны. А сильные эмоции – это как раз то, что и делает людей живыми! Вся палитра чувств и переживаний неизменно должна присутствовать в жизни каждого человека. И когда все это поймут, они перестанут бояться, что случится что-то плохое. Они станут свободны и будут способны даже на получение удовольствия от негативных эмоций. Ведь это и есть жизнь! Такая, какая она есть, и она великолепна и удивительна не только из-за чистого позитива. Ведь истинный вкус радости чувствуется только в сравнении. Если бы у человечества существовала только сладкая еда и никакой другой, то все мы уже давно умерли бы от голода.

Иван вдруг прозрел. Он наслаждался этими мыслями, и ему уже очень сильно хотелось отразить их в своем произведении. Главный вектор его книги кардинально поменялся.

«Но это и к лучшему! – подумал он. – Теперь я действительно могу создать что-то стоящее!»

С этими мыслями Иван смог успокоиться и уснуть крепким и таким необходимым ему сном.

27 июля 2073 года

Иван Пожарский, изменив полностью концепцию своего произведения, уже составил более половины книги.

Он получал огромное наслаждение от самого процесса создания произведения.

После оформления новости о состоянии преступности и обмане на государственном уровне (аргументы выглядели достаточно бредовыми и притянутыми за уши) Иван бросил работу в информационном агентстве. Несмотря на все недостатки и пробелы этой статьи, граждане ее приняли не так плохо, как ожидалось. Рабочий коллектив устроил бурную вечеринку в честь ухода одного из лучших представителей данной профессии. Иван был счастлив видеть, как сильно его ценят.

Декабрь 2074 года

Книга Ивана Пожарского «Цвет жизни» наконец увидела свет на всех значимых информационных ресурсах страны. Конкуренции у нее оказалось мало (в 2074-м в стране было опубликовано всего семь книг), поэтому произведению удалось заполучить достаточно внимания читателей.

Через пару месяцев «Цвет жизни» стал самой приобретаемой и популярной книгой за последние три года.

Май 2075 года

Иван встретился с одним из самых влиятельных и богатейших людей страны – Георгием Кутиным.

Георгий предложил Ивану выйти на мировой рынок, оплатив переводы его книги на разные языки и публикации на лучших мировых ресурсах.

Естественно, они пришли к согласию и приступили к реализации намеченного плана.

После этого Иван мог бы больше никогда не работать в своей жизни.

Смог ли Иван войти в историю?

Да, конечно!

Сделал ли Иван жизни людей лучше?

Иван ответил на этот вопрос: «Люди покупают мою книгу в надежде приобрести что-то новое для себя, как-то изменить свои взгляды или же увидеть больше, нежели видели раньше. Наверное, они получают это, раз уж „Цвет жизни“ так популярен! Я видел множество благодарных людей! Я счастлив, когда вижу, что они счастливы! Это невероятно!»

Так ли все было на самом деле или же это просто очередная выдержка из одного из сотни пустых интервью? Остается только догадываться.

Часть 2. 2589 год. Вальтер Паскаль

1

Парящая платформа приближается к входу в самый большой экономический центр мира «Global Demand». Вальтер Паскаль, находящийся сегодня в замечательном расположении духа, ступает на нее вместе с прекрасной блондинкой с правильными чертами лица (слишком правильными). Она просто мечта, и (вот это везение) больше никто не идет с ними на эту платформу. Это означает только одно – у Паскаля невероятная возможность завязать с ней беседу за эти несколько минут, пока они будут продвигаться внутрь центра. Не теряя времени, он приближается. Его рука практически вплотную находится на поручне с ее. Под стеклянным полом платформы проносятся улочки, аллейки с зелеными насаждениями – весь город как на ладони. Красотища, аж дух захватывает.

Паскаль не спешит начинать диалог. Он глядит в изумрудно-зеленые глаза девушки (удивительный цвет) и добродушно улыбается, стараясь, чтобы она могла прочесть в его глазах симпатию. И, о чудо, получает в ответ очаровательную улыбку красавицы. Душа Паскаля наполняется любовью – таких девушек он еще не встречал. Он знает это, даже

не услышав от нее ни единого слова.

Паскаль нежно приобнимает незнакомку за плечи:

– Здравствуй, ангелочек! Как твое имя?

Девушка пристально смотрит в глаза Паскаля, не говоря ни слова. Ее лицо абсолютно не меняется: оно так же озарено самой прекрасной улыбкой.

Паскаль в замешательстве:

– Ну же, красавица! Поддержи меня! Мне неловко. Просто ответь, как тебя зовут!

Паскаль изображает самое доброе и радостное лицо (это он умеет прекрасно). Его рука чуть крепче обнимает плечи девушки.

Ответа нет. Все та же улыбка – такая удивительно притягательная, но кажущаяся такой холодной и безжизненной.

Все тело Паскаля покрывается мурашками. Он вдруг начинает испытывать что-то на грани страха, но еще не страх в чистом виде. Ему становится жутко.

Он отрывает взгляд от улыбки девушки и вдруг начинает замечать другие детали ее внешности: кожа на щеках и лбу покрыта множеством шрамов, некоторые из которых к тому же с недавно наложенными швами, из некоторых шрамов сочится какая-то жидкость. Теперь общий вид лица девушки вызывает у Паскаля животный страх.

Он заметил, что его рука не на красивых плечах девушки, а на сгорбленной спине старухи.

Это существо продолжает улыбаться, но эту улыбку уже

до ужасной трансформации – один в один его жена. Прекрасная блондинка с изумрудно-зелеными глазами и удивительно красивыми чертами лица. Когда Азель улыбалась, любой человек вне зависимости от пола и возраста терял дар речи и просто наслаждался этим моментом.

Как можно было не узнать свою жену во сне? Это хороший вопрос. Но Паскаля он ничуть не занимал. Видел он вещи и постраннее за двухмесячный марафон ночных кошмаров.

Паскаль встал с кровати, подошел к окну. С 58-го этажа город выглядел замечательно: треть жителей уже распрощалась со сном, остальные сделают это минимум через пару часов. Жёсткого графика работы нет ни у кого – выспятся все (все, кроме Паскаля). Так он и простоял минут двадцать, наблюдая, как постепенно город, зажигая огни, протягивает руки новому дню.

Затем Паскаль прошел в ванную. УН доставил чистые полотенца и еще раз поинтересовался насчет завтрака. Паскаль согласился: поспать уже не удастся. УН скрылся за одним из многочисленных поворотов квартиры.

Паскаль встал перед зеркалом, улыбнулся. Нахмурился. Снова улыбнулся. И опять нахмурился. В этом его утреннем действе палитра эмоций была значительно разнообразнее, чем во всем мире в 2589 году. Паскаль встал под душ, его окатила вода идеальной температуры.

«Кто-нибудь вообще мучается кошмарами в этом мире? Почему, выходя на улицу, я вижу исключительно свежие, вы-

спавшиеся лица, неизменно озаренные улыбкой, в естественности которой я очень сильно сомневаюсь. Неужели инъекции действительно избавляют от всей этой негативной хрени в жизни? Тогда впервые за весь мой цикл существования в мире есть причина пожалеть, что они на меня не действуют!.. И признать, что Ганс Кенинг – действительно, гений».

Закончив банные утренние ритуалы, Паскаль отправился на кухню, где его уже ждал завтрак, полностью соответствующий диете, назначенной врачом год назад. УН баловал разнообразием, и диета в современном мире никогда не казалась тяжким бременем.

Паскаль приступил к трапезе, зачем-то перебирая в голове все кошмарные образы, посетившие его во снах на этой неделе. Может, в этом есть какой-то смысл? Но пауки, превращающаяся в ужасного, мерзкого монстра Азель, окровавленные маньяки и вампиры – так и не сказали, какой же в них смысл. Наверное, они должны просто загонять Паскаля в еще более беспросветную депрессию.

«Депрессию? Забавно. Такого слова не существует уже более ста пятидесяти лет, а у меня оно всплывает в голове через день, – подумал Паскаль. – Откуда я его вообще узнал? Старые словари, которые я зачем-то изучил до дыр в детстве, дают о себе знать. Также я узнал, что когда-то давно моя профессия называлась психотерапевт и не была такой востребованной, как сейчас».

Трапеза закончилась. Паскаль прилег на диван в гостиной,

чтобы не тревожить любимую Азель.

«Ты вымирающий вид, Паскаль! – с улыбкой подумал он. – Человека с депрессией, да что там, с хотя бы какой-нибудь негативной эмоцией не найти уже лет двести. „Инъекции счастья“ справляются более чем прекрасно! Весь мир освещен бесконечными улыбками на лицах каждого жителя этой вселенной! Мне таким, конечно, не стать никогда, но пожить в идеальном мире интересно!»

Улыбка на лице сменилась состоянием глубочайшей задумчивости. Паскаль погрузился в детство и вернулся в тот момент, когда впервые заметил, что он не восприимчив к «инъекциям счастья».

2570 год. На улице прекрасная зима. Пушистые снежинки, грациозно преодолевая путь от небес до земли, покрывают все вокруг в белоснежные одеяния, как невесту в самый замечательный день в ее жизни. Двенадцатилетний Вальтер Паскаль отправляется в школу в последний учебный день перед рождественскими каникулами.

Надо ли говорить в каком чудесном расположении духа он находился? Но на тот момент это и не было странно, ведь ни маленький Вальтер, ни кто-либо еще не мог и подозревать, что что-то в этом мире может хоть кого-то расстроить. Каждые полгода всем делали инъекции и все были абсолютно счастливы. И Вальтер Паскаль, который месяц назад с родителями и семилетней сестренкой сделал все необходимые процедуры в Главной городской больнице, все свои двена-

дцать лет жизни был счастлив, ни разу не испытал ни единой негативной эмоции.

Было ли это связано с действием сыворотки Кенинга или же он просто был счастлив ребенком? Теперь уже и не узнать. Но тот день стал переломным.

Он прошел так же обычно, как и любой другой: вечером радостный Вальтер вернулся из школы в ожидании праздничного ужина, открывающего рождественский сезон. Счастливый Паскаль вбежал в дом, быстро вымыл руки и уселся за стол. Там уже собрались его мама с папой и родственники, пришедшие в гости. Все улыбались, шутили, и все было абсолютно так же, как и в любой другой такой же день. Если бы не одно «но». Маленькой сестренки Вальтера, Виты, не было за столом. Более того, ее до сих пор не было дома. Все шло своим чередом, но она все не возвращалась. Когда время на часах стало уж совсем поздним, Вальтера охватила настоящая тревога.

Он обращался к маме и папе, мол, уже поздно, а Виты все еще нет. Они лишь успокаивали его словами, что ничего не может случиться и она скорее всего еще гуляет с подружками, ведь погода на улице такая замечательная. Торжество все продолжалось. Вальтер уже стал чувствовать себя словно в аду. Он просто встал из-за стола, оделся и решил отправиться на поиски любимой сестренки. Он просто не мог поступить иначе!

Он обожал Виту. Все семь лет он участвовал в ее воспита-

нии как только мог. Иногда даже больше родителей. И уж теперь он понял, что любил ее явно сильнее, чем родители. Он единственный, кто отправился на ее поиски. Спустя многие годы он понял, что родители чисто физически не могли чувствовать тревоги, но тогда он их *ненавидел*. Это первый раз, когда он испытал это уникальное чувство для XXVI века.

Вальтер Паскаль больше никогда не сможет забыть лиц родителей и всех родственников за столом, когда он сообщил им, что отправляется на поиски младшей сестренки. Они тогда просто продолжили громко смеяться и шутить. Улыбки не сходили с их лиц. И не оставалось сомнения, что это были абсолютно искренние, наполненные счастьем улыбки. Но Паскаль в тот момент их всех просто ненавидел. Никто не беспокоился. Никто даже не заметил, что что-то не так, как обычно. Они продолжали улыбаться. Улыбки тут и там. Они окружали Паскаля, который уже чуть ли не плакал. Он выбежал из квартиры, услышав лишь «Хорошей прогулки, Вальтер» от матери.

Когда он вышел на улицу, слезы из его глаз просто полились ручьем. Он всхлипывал и громко рыдал. Бежал к школе, встречая иногда веселые компании подростков, которые просто не обращали ни малейшего внимания на маленького бегущего рыдающего мальчика.

– Вита! Вита! Где ты, солнышко?! Отзовись! – в надежде кричал Паскаль дрожащим от плача голосом.

Он обошел уже все места, где могла быть сестренка. На-

дежды в его душе не осталось. Двенадцатилетний Вальтер Паскаль просто уселся на скамейку и громко зарыдал. На соседней скамейке подростки что-то оживленно обсуждали и, естественно, громко смеялись.

Паскаль вскочил, подбежал к ним и прерывистым голосом прокричал:

– Да как вы можете? Я чувствую себя ужасно. Моя с-с-сестра пропала, а вы тут с-с-смеетесь, когда рядом с вами человеку плохо! Что с вами не так?

Он опять сорвался на рыдания. Компания, конечно же, обратила на него внимание. Девушка с огненно-рыжими волосами сказала нежным голосом, в котором слышалось неподдельное участие:

– Не переживай, малыш! Ну, ты что? Ничего с ней не случится! Ничего с ней просто не может случиться! На каждом углу дежурят сотрудники Службы Предотвращения Несчастных Случаев. Они бы никогда не допустили, чтобы маленькая девочка оказалась в опасности.

Она достала из нагрудного кармана платок и вытерла слезы Вальтеру, что, в общем-то, не помогло: он так и продолжал рыдать. Она искренне верила в то, что говорит. Все верили, что ничего плохого никогда и ни с кем не случится, ну или в то, что все же вероятность крайне мала.

Но Вальтер не мог. Не сегодня. Он чувствовал: что-то не так! Не так, как всегда. И, как минимум, его нынешнее состояние – тому подтверждение. Он ведь никогда до этого

не плакал и уж точно не рыдал.

Так он еще долго бегал по улицам, выкрикивая «Вита!». Результата не было. Изредка он обращался к прохожим за помощью, но они либо утешали его со словами: «Да вернись ты домой! Она, наверное, уже там тебя заждалась! Все будет хорошо», либо просто не понимали его, так как общались на другом языке.

Вальтер не мог вернуться домой. Там его ждали все те же пустые улыбки. Он знал, что это просто сведет его с ума. И продолжал поиски.

Так он пробежал до самого раннего утра. Когда по ощущениям оставалось совсем немного до первого за день выступления тогдашнего Лидера Мира, Джозефа Ляйнера, он все-таки вернулся домой.

Родители спокойно спали, но на другое Вальтер просто не рассчитывал. Он тихо прошел к себе в спальню, предварительно заглянув в пустующую комнату Виты, и уснул весь в слезах, свернувшись в клубок. Так плохо он не чувствовал себя больше никогда в жизни (ни до, ни после).

Где-то в глубине души он верил, что они живут в абсолютно безопасном мире и, действительно, с Витой ничего не могло случиться. Но почему-то его чувства говорили об обратном.

Он был уверен, что больше этот дом никогда не озарится ее милым личиком, что больше никогда он не услышит ее звонкого смеха, что больше никогда не увидит ее искренней

улыбки, единственной улыбки, которую он был бы счастлив увидеть в этом «мире улыбок». Больше ни одна улыбка никогда по-настоящему не порадует его в этом мире.

Двенадцатилетний Вальтер Паскаль лежал и плакал в этот переломный день в его жизни. В день, когда ему в последний раз посчастливилось утром увидеть свою любимую маленькую сестренку, Виту.

Паскаль открыл глаза. Азель в легком летнем платье уже была готова отправиться на работу.

– Доброе утро, дорогой! Почему ты ушел от меня утром?

Она одарила его улыбкой, способной любого зарядить жизненной энергией на весь день.

– Я больше не планировал спать, – ответил Паскаль. – Уже уходишь?

– Уже пора. Я и так отклонилась от своего внутреннего распорядка. Ты сегодня когда освободишься?

– Как только солнце начнет клониться к закату, – ответил Паскаль, даже не зная, пойдет ли на работу сегодня.

– Хорошо! Удачного дня, любимый! – Азель чмокнула мужа и выпорхнула из квартиры.

Паскаль так и остался лежать на диване.

Но через пару часов он уже отправился на работу – перспектива провести весь день без дела не очень-то его устраивала.

Паскаль вышел из дома навстречу новому дню, попутно

одаривая всех встречающихся людей улыбками (по-другому никак, такова жизнь).

Он занял свое место в огромной трубе, прозрачной изнутри и зеркальной снаружи.

Огромные системы труб связывают все точки мира. Забавно, что сам изобретатель этой системы, Рэй Кауфман, когда-то признался, что подсмотрел эту идею в каком-то древнейшем мультике и решил претворить ее в жизнь.

Паскаль нажал на точку на карте, где ему нужно остановиться, и уже через пятнадцать минут сидел в своем рабочем кабинете, ожидая людей с, как ему всегда казалось, надуманными проблемами. Вальтер Паскаль – собеседник. Его рабочие обязанности – вести с людьми беседу так, чтобы они забыли о своих проблемах или просто поняли, что это во-все и не проблема, и в общем-то всё. Больше от него ничего не требовалось.

Несмотря на то, что в этом мире нет действительно важных проблем, собеседник – одна из самых распространенных профессий. Может показаться, что это из-за зарплаты и все туда стремятся, чтобы получать много денег. И это были бы резонные причины, если бы не одно очень весомое «но» – денег в мире больше нет! Каждый человек в мире отработывает определенное количество часов в месяц, и тогда он может приходить в экономические центры (если понятие «экономика» вообще уместно) и брать все, что ему необходимо для комфортной жизни в следующем месяце.

Может ли он взять больше, чем ему нужно?

Конечно, нет! Какой смысл? Что он будет делать с излишками?

А что будет, если он не отработает достаточного количества часов в прошлом месяце?

Очевидно, он просто не сможет воспользоваться этим правом. Но, стоит отметить, что за двести семнадцать лет существования этой системы еще ни один человек не пытался проверить данное утверждение на практике.

Удивительно, как может работать социализм, если не извращать все его основные идеи.

И вот, посреди этого идеального мира сидел Вальтер Паскаль и ждал своего первого клиента на сегодня.

Жизнь Ганса Кенинга – человека, изменившего мир.

Маленький Ганс Кенинг, росший в одном из детских домов, жил в Германии. Тогда еще, как не трудно догадаться, существовали государства и границы между ними.

Конечно, ни Ганс Кенинг, ни его друзья из детдома, ни воспитатели и преподаватели, пытавшиеся (очень даже успешно) вырастить из Ганса и других ребят достойных граждан своего государства, не могли и предположить, что именно этот малыш изменит мир до неузнаваемости.

Ганс всегда был озорным, неунывающим ребенком. Дни напролет они веселились с друзьями, играли в разные спортивные игры, конечно же, не забывая об обучении. Ганс никогда не производил впечатления «золотого мальчика—гения», как его через семь лет окрестит журнал High Science.

Особых успехов в изучении языков, математики и вообще большинства учебных дисциплин Ганс Кенинг не достиг. Но вот когда наступали уроки биологии и химии, Гансу просто не было равных. Внимательные преподаватели не могли этого не заметить и начали развивать сильные стороны мальчика.

Уже в девятнадцать лет Ганс получил две из пяти возможных самых значимых научных премии. К слову, в истории

никто не получал все пять, а самые великие получали максимум три за всю жизнь. Уже тогда в научном сообществе все прекрасно понимали, что Ганс Кенинг вполне в состоянии нарушить этот порядок, побив все мыслимые и немыслимые рекорды (если так можно сказать о науке).

И все-таки они заблуждались.

Позже Ганс увлекся философскими науками и начал изучать жизнь вокруг себя. Он отмечал многие значимые для общества находки: то, как люди, хоть и на первый взгляд, счастливы, свободны и радостны, все же боятся этого мира (чрезмерные меры безопасности иногда пугают больше самих наличествующих в обществе опасностей); то, как государства, получив полную монополию над всеми информационными ресурсами, могут полностью воссоздавать картину идеального мира в головах своих граждан; то, как больницы, несмотря на «полную безопасность существующего миропорядка», все же наполнялись пострадавшими от преступлений.

Ганс работал в лучшей клинике Германии и был самым востребованным специалистом в ней. И был им не только из-за своих, возможно, лучших в мире познаний в медицине. Ганс прекрасно мог общаться с людьми. Он дарил им надежду в некоторых, как казалось, безнадежных ситуациях. И эта надежда всегда воплощалась в жизнь, ведь Ганс в нужной ситуации абсолютно прямо мог сказать слова «Я бессилён».

Он никогда не гнался за этими научными премиями. Ему

было важно лишь то, как он непосредственно здесь и сейчас может помогать людям. Какие-то абстрактные открытия его не интересовали. Не интересовали ровно до того момента, когда он абсолютно ясно увидел возможные пути преодоления людской агрессии и иных негативных черт при помощи только химических средств. Он даже не рассуждал, не анализировал. Он просто увидел это. Увидел так же, как и до него многие великие ученые просто случайно находили ответы на важнейшие вопросы мироздания.

И вот тогда-то он и начал работу над своим самым масштабным проектом, впоследствии поделившем мир на «до» и «после».

Ганс тоже уже не стал прежним. Он больше не работал в клинике, он перестал быть тем светом, к которому тянулись все так в нем нуждающиеся. Решение не было легким. Но Ганс по-другому не мог: каждый день он видел огромное количество несчастных людей; людей, пострадавших от зла и тьмы этого мира; людей, которых он, доктор Кенинг, мог сделать абсолютно счастливыми, лишь развив свое самое главное открытие в жизни.

Начались исследования и тяжелые, изматывающие работы. Ганс сформировал группу ученых, день и ночь работавших над созданием вещества, которое когда-то просто пришло в голову одному гениальному доктору.

Прошло три года.

Исследования не стояли на месте, но и не приблизились к за-

вершению. Но одно Ганс Кенинг видел уже абсолютно ясно – вещество для инъекций будет создано, а его жизнь будет прожита не зря.

В это же время он познакомился с Каем Брауном, который каким-то невероятным образом оказался в его сформированной научной группе, будучи чертовски плохим биологом, медиком и химиком, но отличным собеседником для Ганса. Мозг Кая рождал очень глубокие философские мысли. Ганс же, обожающий философию, не мог не обратить внимание на эти умозаключения.

– Допустим, у тебя получится сварганить «сыворотку всеобщего счастья и радости», – как-то начал Кай.

– Что значит «допустим»? – резко прервал Ганс. – Еще в худшем случае полтора года, и она готова!

– Хорошо, – согласился Кай, расхаживая по лаборатории с важным видом, сомкнув руки за спиной. – Допустим, через полтора года она действительно будет готова. Что потом? Ты просто начнешь ее всем предлагать со словами «хочешь стать счастливым, тогда вколи себе это»?

– Нет! Мы все оформим как научное открытие. И когда все убедятся, что результат действительно таков, каким я его описываю, то инъекции просто начнут делать всем людям в клиниках по всему миру.

– Ух! Какой же ты простой! – воскликнул Кай. – Просто все врачи бесплатно начнут делать твою сыворотку и колоть всем, кто войдет в клинику? Ты серьезно в это веришь? Я

думаю, вряд ли все эти инъекции так уж востребованы!

– Ты совсем не понимаешь, чем мы тут занимаемся?! – теперь уже недоумевал Ганс. – Это то, что изменит мир навсегда! Это то, что сделает возможными утопии, воспеваемыми авторами на протяжении веков! Люди всегда стремились к идеальному миру. К миру, где не существует агрессии и всего негатива, пожирающего нас изнутри. К миру, где любой встретившийся на улице человек безусловно счастлив, где улыбается и получает взаимную улыбку от такого же счастливого человека! И все это возможно уже в ближайшее время! Неужели это не то, что наполняет наши жизни смыслом?

Кай замолчал и задумался.

– Хо-ро-о-шо-о, – протянул он через минуту погружения в омут своих мыслей. – Вот он – идеальный мир! Здесь и сейчас! Каждому желающему! А сегодня еще по скидке!

Лицо Кая растянулось в дурацкой улыбке.

– Что потом? Как будет устроено общество? Что будет со структурами власти, оставшимися без работы? Что со всеми учреждениями, призванными следить за правопорядком в обществе? Что с экономикой и торговлей без людей, не умеющих обманывать? Как все это будет функционировать? Это твоё открытие. Оно же полностью сломает все мироустройство! Остаются только вопросы без ответов!

– Да, это так, – спокойно согласился Ганс. – Вот ты мне и скажешь!

– Что? – недоумевая спросил Кай. – Мне б кто сказал! Удобная позиция! Вообще-то это я у тебя спрашивал, мистер «я создам идеальный мир, а дальше вы как-нибудь сами»!

– Ты мне это скажешь когда-нибудь, Кай! – все так же спокойно продолжил гнуть свою линию Ганс. – Раз уж ты задал эти вопросы, то сможешь найти на них и ответы. Твой мозг устроен по-другому нежели у нас, ученых. Ты больше смыслишь в этой всей политике. Вот и скажи мне!

– Твой мозг устроен по-другому, – Кай рассмеялся. – Забавно слышать это от лучшего биолога современности, вскрывшего сотни черепных коробок, который должен быть уверен, что у всех нас, людей, одно и то же там спрятано!

Ганс улыбнулся.

– Но знаешь. – Кай задумался. – Это может быть интересно! Я дам ответы на все эти вопросы! Я заинтересован!

– Вот и отлично.

Ганс встал и отправился в соседнюю лабораторию для продолжения создания утопичного мира.

Прошел год.

Еще один.

И еще десять.

И вот, наконец-то, Ганс Кенинг держал в руках склянку с готовой сывороткой. Правда, готовность синтезированного вещества еще не была подтверждена ничем, кроме формул, светящихся на огромном экране на стене лаборатории, в которой собрались ученые в различных сферах и областях. Их

радостные лица в буквальном смысле светились счастьем: они создали то, что приведет человечество к финальной стадии развития цивилизации.

Но Ганс Кенинг не спешил так радоваться: он прекрасно понимал, что работа только началась. Настало время проверить сыворотку на живом человеке. И кто же это будет? Опасных экспериментов над людьми не проводилось с 2090 года. Ганс прекрасно понимал, что добровольцев ему просто не найти, но и остановиться было уже невозможно (слишком много времени, сил и средств было положено для достижения результата).

И, как казалось доктору Кенингу, у него не было иных вариантов. Ганс Кенинг стал ведущим руководителем и преподавателем в детском доме, в котором когда-то был взращен и он сам. Информационные ресурсы пестрили заголовками наподобие «Доктор Кенинг возвращается домой». Везде воспевался этот, на первый взгляд, красивый, но по сути кошмарный ход.

Именно эти дети и были выбраны в качестве подопытных для сыворотки. Ганс не испытывал трудностей с убеждением. Дети верили, что великий добрый доктор не способен никому навредить и всё, что происходит с ними – часть счастливого и безоблачного будущего для всего человечества.

К сожалению, результаты не были так великолепны, как полагали все ученые, работавшие над сывороткой. Исследования продолжались бесконечно долгие и ужасные три го-

да. Возможно, самые темные три года в преддверии светлого мира будущего.

Когда же, наконец, последний подопытный начал демонстрировать прекрасные результаты «счастья» и «жизнелюбия», никто из исследователей даже и не подумал обрадоваться результатам – огромная цена уже была уплачена.

Ганс Кенинг не разговаривал больше ни с кем, кроме Кая Брауна, который за почти пятнадцать лет создания сыворотки все-таки смог разработать схему устройства мира в новых условиях.

– Ты как? – в очередной раз за день спросил Кай, отмечая для себя, что Ганс Кенинг уже давно умер, еще во времена первого неудачного эксперимента.

– Чувствую себя так, как и должен себя чувствовать человек, совершивший всё то, что сделал я за всю свою жизнь, – ответил Ганс, даже не взглянув на Кая и сверля взглядом полупрозрачное окно, за которым сидел смеющийся мальчик лет двенадцати. Воспитательница показывала на экране различные схемы и объясняла что-то из курса робототехники.

– Никогда не любил робототехнику, – сказал Ганс, не отводя взгляда от окна. – Мне это всегда казалось каким-то неживым и бессмысленным.

– Но в наше время без этого никуда, – заметил Кай, думая, как наилучшим образом продолжить диалог, чтобы не ввести Ганса еще глубже в темный лес его мыслей. – Я разработал устройство мира, которое заработает после введения

твоей сыворотки всем жителям нашей планеты. Не скажу, что все идеально, но впоследствии, думаю, исправлю несостоятельные идеи.

– Это хорошо, Кай. Хорошо. Мы должны как можно быстрее завершить работу над всем этим. Как можно быстрее. – слова просто потоком шли из Ганса, он как будто даже и не пытался сказать что-то внятное. – Да, как можно быстрее. Я уже собрался.

– Куда собрался? – зачем-то спросил Кай, прекрасно понимая, что ответа не получит.

– Я готов увидеть этот мир. Мир, который мы создали. Мир, над которым мы трудились столько лет. Мир, где все будут счастливы. Мир, из-за которого пострадало так много. Так много.

Кай молчал. Он просто не знал, что вообще можно сказать сейчас такому Гансу.

– Кто я? – Ганс вдруг впервые за беседу перевел взгляд прямо на Кая. – Кого ты видишь перед собой, Кай? Ответь честно.

В голосе Ганса вдруг начали проскакивать нотки хоть каких-нибудь эмоций. Что-то его еще могло взволновать.

– Гениальный врач. Лучший в истории! Человек, спасший множество жизней! Ученый, труды которого будут актуальны до скончания веков! – Кай отвечал быстро и старался делать это максимально эмоционально, дабы не спугнуть того Ганса, который все еще мог хоть что-то чувствовать. – Ге-

ний, который создал то, чего не смог бы никогда и никто ни до тебя, ни после. Идеальный мир. Ты его творец, Ганс!

Ганс снова перевел взгляд на окно. Двенадцатилетний мальчик уже закончил урок робототехники и что-то увлеченно изучал на портативном экране. Изредка его лицо озарялось искренней улыбкой.

– Ты слеп, Кай, – проговорил Ганс своим типичным безжизненным голосом.

Воцарилось молчание. Кай просто стоял и смотрел на Ганса в ожидании, что тот все же закончит свою мысль. Кай понимал, к чему клонит Ганс. Понимал, что такие эксперименты не могли пройти бесследно для психики его друга.

– Я перечеркнул все, что сделал хорошего в жизни до этого жуткого эксперимента. Все, что было тогда, теперь просто не имеет смысла, – голос Ганса дрожал. Кай думал, что сейчас из его глаз брызнут слезы, и он совсем не хотел видеть своего друга таким.

Но ничего не произошло. Ганс так и продолжал глядеть в теперь уже пустую комнату. Счастливый мальчишка убежал со своими сверстниками поиграть в игры, которых в детском доме стало бесконечное множество с приходом в него Ганса Кенинга.

– Я мог бы сказать, что все мои старания – это благое дело. Это то, что осчастливит миллиарды, – Ганс просто говорил. Он, как казалось, и вправду уже не мог ничего почувствовать. – Но если ты осчастливишь миллиарды ценой хо-

тя бы одной невинной жизни, то это определено точно того не стоит. Никогда не стоило. Никогда не будет.

Кай молчал. Невозможно было понять, о чем он думал в данный момент. Был ли он согласен с Гансом или же считал иначе? Может, он вообще плохо понимал, что имеет в виду Ганс, и был в абсолютной уверенности, что чего-то определенного его друг уже не скажет никогда из-за своего психического расстройства.

– Ладно. Что там с твоей идеей мирового устройства? Она состоятельна хотя бы на первых этапах? – вдруг спросил Ганс, снова резко переводя взгляд на Кая, ошарашенного внезапным возвращением собеседника из беспамятства.

– Да. Думаю, да, – все же ответил Кай, уже собирающийся уходить из кабинета из-за неловкого молчания, царившего до этого. – Я разработал также несколько альтернативных вариантов. Это должно сработать.

– И это сработает! – воскликнул Ганс и улыбнулся.

Кай еле удержался, что бы не протереть глаза от удивления. Улыбку на лице Ганса не видели уже полдесятилетия.

– Как создатель нового порядка, я дарю тебе звание Лидера Мира! – почти что со смехом проговорил Ганс. – Носи его с гордостью, Кай Браун!

– Эм-м. Ладно, – теперь уже с нескрываемым изумлением проговорил Кай.

– А я, пожалуй, пойду займусь еще одним важным делом, – радостно сказал Ганс. – Мне осталось сделать еще кое-

что.

– Конечно! – Каю было отрадно видеть Ганса таким, но что-то явно было не так. – Рад видеть тебя таким, друг!

И что-то, действительно, было не так: Ганс отправился напрямик в лабораторию и сделал себе инъекцию «сыворотки счастья». Но не той, которая оказалась удачной, а одной из тех, которую на протяжении трех лет вводили подопытным детям. Он сел в свое кресло и просто ждал смерти. И в этот момент он улыбался. Он завершил свое дело – он должен освободиться.

Так и закончилась история Ганса Кенинга, так и не увидевшего тот идеальный мир, который он создал.

3

Ждал Паскаль не так долго, как обычно: створки автоматической двери разъехались и в кабинет вошел низенький мужчина с маленькими бегающими (но все же дружелюбными) глазками и, конечно же, улыбкой, которая выглядела так, будто он только что услышал ужасно несмешную шутку от хорошего товарища и, чтобы не смущать, поддержал его.

– 3-3-3-здравствуйте, мистер Паскаль, – поприветствовал он своего сегодняшнего собеседника. – Я могу пройти?

– Здравствуйте! – радостно сказал Паскаль. – Конечно! Оставьте вещи у входа!

Мужчина поставил на стойку свой портфель. К нему подъехало кресло, на которое он стеснительно приземлился и прокатился прямым к столу, за которым его ждал Паскаль.

– Представьтесь, пожалуйста! – как можно доброжелательней Вальтер решил начать выполнять свои обязанности, а именно беседовать с посетителем.

Стеснительный мужчина выглядел очень странно и необычно. Паскаль никак не мог понять, почему. Почему он выделяется? И тут его мозг зацепился за его оригинальную деталь – собственно, сама стеснительность. Как в мире, где ты можешь подойти к незнакомому человеку на улице и начать беседу на абсолютно любую тему, и эту беседу

искренне поддержат, может еще остаться место стеснительности? Это чувство, характеризующее неловкость во взаимодействии с окружающими. Как оно еще не искоренилось из общества, где все люди относятся друг к другу, как давние друзья, которые встретились случайно на улице через множество лет разлуки? Из общества, где вообще нет возможности получить негативно высказывание в свой адрес от кого бы то ни было.

– Ариас Фоллоу, – ответил мужчина, сжав руки в кулаки на коленях. Он явно не чувствовал себя типичным представителем нынешней цивилизации, но выглядел абсолютно так же. Улыбка все это время не сходила с его лица, и вот она, как раз, выглядела абсолютно буднично.

– Хорошо, Ариас! – продолжил Паскаль. – О чем вы хотите поговорить сегодня? Вас что-то тревожит? У вас какие-то проблемы? Или вы просто хотите поделиться со мной каким-то радостным событием в жизни?

Паскаль всегда в начале беседы задавал эти вопросы. Они всегда казались нелепыми его коллегам. Действительно, «тревожит», «проблемы» – о чем он вообще? Эти слова, конечно, остались в различных языках, на которых люди беседовали друг с другом, но они практически потеряли свое значение. Многие клиенты Паскаля просто пропускали эти вопросы мимо ушей и начинали говорить, другие выбирали вариант «поделиться радостью», и очень немногие начинали рассказывать о своих «проблемах». И вот это все-

гда было действительно смешно: муж (жена) не ночевал дома, но утром пришел и их семья дальше жила спокойно, так как в этом мире никто не желал ничего плохого ближнему, и, скорее всего, отсутствие было связано с затянувшейся беседой с кем-то, кто встретился на улице (действительно, беседой, а не с чем-либо еще); кто-то из знакомых не отработал всех положенных часов в условный месяц, а ему все равно удалось получить все товары, которые ему были нужны («Забавная история, не правда ли?»); кто-то забыл посетить клинику и сделать обязательную ежемесячную инъекцию, а его состояние все равно никак не изменилось («Странно! Как считаете, Вальтер? Может эти постоянные инъекции нам и не нужны, чтобы чувствовать себя хорошо?»).

Ариас, как и многие другие, просто не придал значения вопросам Паскаля и просто продолжил диалог:

– Я хочу у вас спросить. Как вы смогли понять, чем хотите заниматься в жизни? Как дошли до профессии собеседника?

Ариас уставился на Паскаля в ожидании ответа.

– Я просто задал себе вопрос и сам на него честно ответил, – быстро подобрал слова Вальтер. – Это не так уж и сложно – быть честным с самим собой. Ведь мы живем в мире, где вообще нет лжи. Так к чему обманывать самого себя?

– Хм, вы правы, мистер Паскаль, – Ариас, который только начал говорить увереннее, вдруг снова опустил взгляд и уставился на свои руки. – А если мне интересно вообще

все в этом мире и я много чем увлекаюсь, но конкретно посвятить свою жизнь чему-то одному не хочу, так как в таком случае множество интересных вещей с огромной долей вероятности пройдет мимо меня? Что в этом случае, мистер Паскаль?

– Интересно. – Паскаль одарил своего собеседника теплой улыбкой, отчего тот вроде бы почувствовал себя комфортнее. Паскаль вообще прекрасно имитировал различные виды улыбок: добрая, заботливая, игривая, снисходительная, естественная, искусственная и множество иных оттенков. У него было огромное количество лет для овладения этим навыком, чтобы не стать чужим в этом мире (хотя бы внешне).

– Ну тогда станьте тоже собеседником, – Паскаль развел руки в стороны, как бы намекая на простоту запрашиваемого ответа. – Это та профессия, в которой как раз необходимо знать очень многое из всех областей жизни. К вам приходят разные люди. Все они чем-то увлекаются, и, как правило, спектр людских интересов необычайно широк. Вам будет проще поддерживать интересный диалог с самыми разнообразными людьми и к тому же самому получать новые знания. Так и мимо вас не будут проходить интересные события и новости этой жизни. По-моему, все идеально! Нет, мистер Фоллоу? Вы считаете иначе?

– Да-а. Это, конечно, звучит очень интересно, и я бы сохранил, если бы сказал, что сам об этом не думал, – ответил

Ариас. Сейчас он выглядел абсолютно вовлеченным в диалог. От стеснительности и следа не осталось. Паскаль просто гений! Ариас полностью ему доверяет.

– Но есть проблема, – продолжил Ариас. – Мне очень сложно строить диалоги с людьми. Поэтому я, наверное, еще ничем и не начал заниматься. Ведь везде придется как-то с ними взаимодействовать. И поэтому я не смогу стать хорошим собеседником.

– Не вижу проблемы, мистер Фоллоу! – резко оборвал его Паскаль. Но тут же доброжелательно улыбнулся, чтобы Ариас снова не замкнулся в себе. – Мы с вами сейчас довольно мило беседуем. Если бы на моем месте был кто-то другой, то вы так же просто поговорили бы с ним о том, что ему интересно, и все. Не так уж это и сложно, если подумать. Тем более сегодня все добры к ближнему и вам не следует ожидать ничего плохого от диалога с кем-либо. Так ведь?

– Так, – согласился Ариас. Его лицо впервые с начала беседы озарилось искренней улыбкой. Паскаль также мог отличать различные виды улыбок, а не только их имитировать.

– Давайте мы с вами договоримся! – предложил Паскаль. – Вы попробуете побыть собеседником какое-то время, а потом придете ко мне еще раз и расскажете о своих ощущениях. Вот увидите, все у вас получится! У всех все и всегда получается, так почему же вы должны быть исключением?

– Хорошо! Договорились, – согласился Ариас. Сейчас он смотрел на Паскаля, как на лучшего друга. – Вы отличный

собеседник, мистер Паскаль! Надеюсь, и я в скором времени найду свое место.

– Непременно найдете! По-другому и быть не может, – заверил еще раз Паскаль. – В конце концов просто проведете карточкой по панели в своем офисе и вам засчитают рабочие часы. В конце месяца наберете разных товаров. Какие-то плюсы от этого точно будут.

– Я пока числюсь во всех базах как учащийся. Я и так не обделен всем необходимым. – Ариас абсолютно свободно вел беседу. Не было сомнений, что он придет к Паскалю еще раз.

– Чудно, – сказал Паскаль. – Хочешь еще о чем-нибудь поговорить, Ариас?

– Да.

Ариас рассказал о девушке, с которой познакомился некоторое время назад, о том, насколько она замечательная, о других интересных людях, с которыми ему посчастливилось вести беседы. Но самое важное, делал он это абсолютно свободно и ни капли не стеснялся. Его глаза горели, как это часто и бывает во время занимательного диалога. Паскаль просто слушал. Большого от него теперь и не требовалось. Самое главное он уже сделал: Ариас чувствовал себя неотъемлемой частью огромного общества, в котором живет. А это именно то, зачем он сегодня вошел в кабинет собеседника, Вальтера Паскаля.

Они обменялись всего то несколькими фразами, но в этом

и заключался необычный дар Паскаля – люди почему-то сразу ему верили. Все как будто чувствовали его настоящую искренность. Искренность, обусловленную не бесконечными инъекциями, как у всех в этом мире, а его душевной организацией.

И это было правдой.

Паскаль любил людей. Даже вопреки его особенности. А может «вопреки» и не совсем подходящее слово. Может быть и «благодаря» этой самой особенности он был способен действительно любить людей, потому что он так чувствует, а не потому что он не может чувствовать по-другому.

Паскаль поймал себя на мысли, что, возможно, он не один такой в мире. Может есть еще люди, на которых не действует сыворотка? Например, Ариас застенчив. Разве инъекции не должны полностью вытеснять подобные чувства? Или застенчивость не входит в список негативных чувств и эмоций?

Паскаль думал и думал. Ариас все рассказывал и рассказывал.

Наконец, истории Ариаса подошли к концу.

– До свидания, Вальтер, – попрощался он. – И еще раз спасибо.

– До свидания, Ариас. Надеюсь, еще увидимся.

– Непременно! – заверил Ариас и еще раз искренне улыбнулся.

Паскаль поддержал его. Не из вежливости, а потому что

действительно был рад помочь.

Ариас уверенной походкой направился к открывшейся двери и вышел в мир, важной частью которого теперь себя ощущал.

Паскаль проводил его взглядом и опять задумался о чем-то. На сей раз о чем-то неопределенном. О чем люди просто думают, не пытаясь вынести для себя новое из этих размышлений – о всякой бытовой чепухе.

Прошло, наверное, порядка двух часов, прежде чем в кабинет к Паскалю вошел следующий клиент. Да не вошел, а буквально залетел. Это была девушка лет двадцати – двадцати трех.

Она быстро поприветствовала Вальтера и уже через секунду сидела перед ним за столом и, как казалось, просто излучала радость и счастье.

– Здравствуй, – начал Паскаль. – Как тебя зовут, прелестное создание?

– Привет еще раз, Вальтер, – девушка говорила немного быстро, однако её голос был приятен. – Я Адда Гримм. Мне двадцать пять лет, и я абсолютно счастлива! Приятно познакомиться, Вальтер Паскаль! Тебе, кстати, следует сменить вывеску на входе: какая-то она... мрачная.

К слову, вывеска мерцала всеми возможными цветами и оттенками. Ночью она могла осветить почти весь район. Как она должна выглядеть, чтобы Адда Гримм посчитала ее хотя бы сносной, страшно даже представить.

– Я подумаю об этом, – Паскаль слегка улыбнулся. – Чем хотите поделиться со мной сегодня, Адда?

Он даже не стал задавать вопросов о проблемах и тревогах. Паскаль сразу понял, что Адда Гримм даже не знает и приблизительного значения этих слов. Она выглядела как самый типичный представитель современного общества.

– У меня все прекрасно, Вальтер! – Адда буквально прокричала каждое слово. – Как раз этим я и хочу поделиться с тобой!

– Это просто прекрасно, – сказал Паскаль, не замечая, что говорит практически безэмоционально. – И вдвойне прекрасно, что вы делитесь этим с окружающими!

Эта фраза прозвучала уже убедительнее. Почему-то Паскаль не любил, когда к нему заходили такие люди. Одно время Вальтер думал, что они заставляют его чувствовать нечто вроде зависти. «Они ведь абсолютно счастливы, и у них нет ни малейшей возможности разочароваться в этой жизни!» – такие мысли могли бы возникнуть в голове Паскаля. Но, как ни странно, он не чувствовал ничего подобного. Ему просто было некомфортно с такими счастливцами. И, к огромному сожалению Паскаля, иных в этом мире ему вряд ли удастся найти.

Ему так хотелось бы, чтобы в кабинет вошел кто-то с огромными проблемами, чтобы он просто не мог выдавить из себя даже что-то издали похожее на улыбку, чтобы все поведал Паскалю, а тот, в свою очередь, действительно, по-

мог человеку, который в этом нуждается. Он очень хотел этого, но никогда бы не смог всерьез себе в этом признаться даже мысленно.

– Да! Так и есть! – продолжала Адда. – А у тебя что не так, Вальтер? Какой-то ты странный.

«Отлично! Теперь мы еще и поменяемся ролями», – подумал Паскаль.

– Всё просто великолепно, Адда! – проговорил он и ода-рил улыбкой, которая была призвана убедить в сказанном.

Но улыбка не справилась со своей миссией.

– Я бы хотела поверить, но что-то не выходит, – Адда нахмурилась. – Ладно, Вальтер! Давай рассказывай! Мне все равно еще подругу ждать, так что у нас с тобой будет уйма времени на исправление ситуации!

«Класс! Теперь она меня еще вылечить захотела. Ну что же, удачи! Изобрети новую сыворотку, Адда! Может тогда она на меня подействует и я больше никогда не буду испытывать печали, гнева и агрессии. Вот будет круто!»

– Знаешь, я просто устал, – лишь сказал Вальтер. – Был довольно интересный клиент до тебя, и я довольно долго с ним беседовал. А в глобальном плане у меня все прекрасно. В этом-то уж можешь не сомневаться. У нас ведь вообще не существует проблем! Забыла, где мы живем? Вспомни, когда в последний раз тебе кто-то на что-то жаловался? Правильно! Никогда! И если это не прекрасно, то что тогда? Это уже прозвучало намного убедительней для Адды,

и она отступила:

– Ладно! Верю тебе, Вальтер Паскаль. Эта пламенная речь заставила меня думать, что ты в полном порядке.

Она где-то на десять секунд замолчала.

– Если у нас ни у кого нет проблем, то зачем нам целая куча собеседников, который начинают свои беседы с вопросов о них? Они же что-то получают в ответ? И ведь не зря их так много?

– Да, не зря, – ответил Паскаль, не ожидавший таких вопросов. – Они необходимы. Ты же вот пришла, а значит мы уже не зря существуем!

Ответ не очень-то удовлетворил Адду.

– Да, но зачем так много? Любой ведь может подойти на улице к незнакомцу и сделать его своим собеседником?

– Конечно, может, – Паскаль хитро улыбнулся. – Но ты ведь так не поступила. Возникает встречный вопрос: почему ты здесь?

По виду Адды можно было понять, что ее все больше и больше увлекал этот спор.

– Мне показалось, что с тобой будет интереснее. Ты каждый день общаешься со многими людьми на самые разнообразные темы. Как видишь, я не ошиблась!

– Как видишь, ты только что сама ответила на свои вопросы, – торжествующе сказал Паскаль. – Да и к тому же, как по мне, это самая приятная работа: пришел, провел карточкой по счетчику, посидел в кабинете, поговорил с кем-

нибудь, провел по счетчику еще раз – вот тебе и все рабочие часы засчитаны. Поэтому многие и решают быть просто собеседниками. Работа бездельников по большому счету.

Паскаль широко улыбнулся: ему понравилось такое объяснение.

– Да уж, – сказала Адда, которая, очевидно, была рада такой смене настроения Паскаля. – Неужели все так просто?

– К чему все усложнять? Нет, у меня бывают также беседы с очень интересными людьми, что тоже само по себе довольно занимательно, но основная масса собеседников выбрали эту профессию как раз по той причине, которую я озвучил ранее.

– Хорошо, – согласилась Адда. – Довольно интересная позиция.

– А чем ты занимаешься?

– Я работаю на производстве средств связи. Мне всегда было интересно копаться во внутренностях всякой техники, вот я и решила посвятить себя этому.

– Интересно, – сказал Паскаль.

На самом деле, Паскалю было абсолютно не интересно. Он всегда считал эту сферу деятельности скучной: все эти холодные безжизненные железяки и другие штуковины. Он, конечно, понимал, что это очень полезная работа (возможно, даже на практике в разы полезнее его сферы занятости), но сам бы этому никогда не посвятил жизнь.

– Ждут ли нас какие-нибудь технические усовершенство-

вания средств связи в ближайшем будущем? – спросил Паскаль для поддержания диалога.

– Нет, – пожалала плечами Адда, – ведущие изобретатели даже не планируют как-то улучшать то, что есть сейчас. Еще пару лет назад Ютака Аоки заявил на конференции, что мы достигли совершенства в этой сфере и в ближайшем будущем уж точно не стоит ожидать значимых обновлений.

– Ясно, – сказал Паскаль. – Интересно, осталось хоть что-то на этой планете, что еще не достигло пределов совершенства?

– Очень маловероятно, Вальтер, – протянула Адда и расмеялась. – Ну так и пора бы уже. Человечество веками стремилось к этому моменту, когда уже вообще нечего улучшать, так как все идеально.

– Да, это так, – согласился Паскаль. – Если почитать старые книжки, то можно заметить, как они все ноют по поводу несовершенства мира. То не так, это не так. А как это изменить – говорили единицы. Сложно поверить, что когда-то все это считалось классикой и ценилось огромным количеством людей!

– Господи, Паскаль! – удивленно воскликнула Адда. – Ты что, читаешь такое старье?

– Как ни странно, мне даже нравится, – сказал Паскаль. – Несмотря на весь негатив, существующий в книгах, есть в них какая-то искра. То, что я могу назвать по-настоящему живым. Сейчас все мысли озвучиваются сразу с трибун, ни-

кто их не записывает. Все просто слушают и воспринимают все моментально, без шанса на осмысление, на обдумывание. Все просто изначально согласны, так как ничего спорного, противоречивого, а иногда и просто агрессивного или плохого никто не озвучит и даже не подумает.

Паскаль замолчал. Адда тоже не смогла ничего сказать. Все именно так, как и сказал Вальтер.

Браслет на руке Адды издал характерный звук: подруга была на месте.

– О! Сара прибыла! – Адда была рада, что этот звук прервал молчание. – Ну, я пошла. Спасибо за очень интересную беседу, Вальтер! Думаю, мы еще встретимся. Пока!

– Ну тогда до встречи, Адда! – попрощался Паскаль. – Мне тоже было приятно пообщаться.

– Конечно! Это ж твоя обязанность!

Адда звонко рассмеялась и выпорхнула из кабинета так же быстро, как и очутилась в нем.

Паскаль улыбнулся. Ему было, действительно, приятно. Не потому, что это была часть его работы, а потому, что это был приятный диалог, из которого он смог что-то почерпнуть и для себя.

Вальтер уже решил собираться домой, когда в кабинет вошел еще один человек. Высокий мужчина с широченной улыбкой, выглядящей даже несколько пугающе. Если не знать, что у всех людей исключительно хорошие намерения, никогда не подумаешь, что это добрый и отзывчивый

человек. Ничего не сказав, он оставил вещи на стойке и сел в кресло. Мужчина явно частенько заглядывает к собеседникам.

– Приветствую вас, Вальтер, – спокойно начал он. – Меня зовут Джозу. Рад с вами поговорить сегодня.

Мужчина слегка наклонил голову, закончив фразу.

– Здравствуй, Джозу, – поприветствовал Паскаль. – Я тоже рад.

– Да, я знаю, – прервал Джозу. – Как же иначе? Как прошел ваш день Паскаль? Многие вас посетили сегодня?

– Пару человек, – ответил Паскаль, немного раздраженный тем, что его прервали, но, естественно, он никак этого не показал внешне. – Довольно интересные собеседники. Надеюсь, смог им помочь.

– Не сомневаюсь, что у вас получилось, – уверенно сказал Джозу. – Как ваше самочувствие сегодня? Физическое и ментальное?

Паскаль опешил. Он не ожидал таких резких вопросов в лоб. Конечно, сейчас все из вежливости спрашивают о здоровье, но такая формулировка. Удивился Паскаль еще и потому, что в его случае все основания для такого вопроса были. Но откуда знает этот человек? Паскаль был абсолютно уверен, что не был знаком с Джозу до сегодняшнего дня. А даже если бы и был, тот не мог знать о невосприимчивости Паскаля к инъекциям.

«Почему меня вообще волнует, что он знает, а чего нет?»

Даже если и знает, то что? Как это сможет изменить мою жизнь? Правильно, абсолютно никак! Я живу в цивилизации, достигшей высшей ступени развития. Созданный мир непоколебим! И моя особенность уж точно никак на это не повлияет. Так ведь?»

– Вальтер, – с улыбкой обратился Джозу, вернув Паскаля из глубины рассуждений в реальный мир. – Я спросил вас о здоровье, а вы задумались, как будто я спросил о смысле жизни. Так как дела?

– Все в порядке, – все-таки ответил Паскаль, натянув на лицо одну из своих многочисленных улыбок. Смотрелось это, конечно, крайне неестественно. – Почему вы интересуетесь, Джозу?

– Потому что это моя работа, Вальтер, – все с той же улыбкой сказал Джозу. – Я из клиники. Вы не посетили нас, чтобы сделать инъекцию. По плану вы должны были сделать это месяц назад. Пора.

– Оу! Точно! – проговорил Паскаль, не скрывая накатившего волной облегчения. – Я чувствую себя просто замечательно, вот и забыл. Но я вам обещаю, Джозу, что непременно это исправлю в ближайшее время!

– Вот и замечательно. Я сегодня посетил уже многих. Все в порядке, но, сами понимаете, правила есть правила. Нужно, чтобы они выполнялись.

– Да, конечно! – согласился Паскаль, – Завтра же отправлюсь в клинику.

– Удачи вам, Паскаль! – Джозу похлопал Вальтера по плечу, как старого друга.

Он уже собирался переступить порог, как вдруг вспомнил что-то важное и обернулся:

– Чуть не забыл! Я сегодня был у Антэ Франжича. Он очень хотел с вами увидеться и побеседовать. Просил передать вам, чтобы вы по возможности посетили его.

– Лидеру Мира понадобился собеседник? Занятно, – рассмеявшись сказал Паскаль. – Ну что ж. Загляну, конечно. Спасибо, Джозу.

– Всего хорошего, Вальтер.

«Но уж точно не сегодня, Антэ» – про себя отметил Паскаль.

«Почему меня так напугал вопрос о моем душевном состоянии? Что бы могло произойти, если бы кто-то узнал, что «сыворотка идеального мира» не действует хоть на одного человека? Я раньше никогда об этом не задумывался, потому что мне было, в общем-то, все равно, знает ли кто-нибудь или нет. Но, сознательно или нет, я никогда и никому не рассказывал об этом. Возможно, я всегда чувствовал, что этот факт может быть очень губителен для существующего порядка!

Действительно, если углубиться, то в идеальном мире счастья и радости существование человека, способного чувствовать что-то иное, ставит под угрозу неоспоримую непоколебимость установленного порядка.

Сегодня я был очень эмоционально возбужден, когда при встрече с Ариасом Фоллоу у меня появилась надежда встретить кого-нибудь еще, кто не находится под действием сыворотки и может чувствовать этот мир не так ограниченно, как все остальные.

Но такое бывало и раньше. Люди приходили, говорили, что у них есть проблема, у меня появлялась надежда. Что в итоге? После нашего диалога они уходили абсолютно счастливыми и уверенными в том, что проблемы вовсе не было! А ведь с некоторыми я целенаправленно говорил так, чтобы они сохранили это чувство тревоги и неуверенности. Но они как будто сами вытаскивали себя из «ямы» (если так вообще можно сказать, ведь все проблемы сейчас призрачные и, как правило, несуществующие). Они сами без моего участия находили аргументы, что проблемы нет. И уходили, оставляя меня размышлять над тем, зачем я вообще был им нужен».

Паскаль быстро собрался и вышел из кабинета, проведя на ходу карточкой по панели. Нужно было как можно скорее уйти, пока еще кому-нибудь поблизости не понадобился собеседник. Вальтер был уверен, что в диалоге со следующим счастливым представителем нынешнего мира он непременно сорвется и добавит немного темных красок в эту яркую палитру действительности.

«Ну что же, завтра меня уж точно ждет встреча с человеком, который не будет находиться под действием инъекции.

Что, впрочем, никак не мешает ему быть абсолютно счастливым и радостным всегда».

Лидерам Мира не делают инъекции. Лидер Мира – это единственный человек, который может чувствовать страх, агрессию, печаль, но все же никогда не показывает эти эмоции, даже если и испытывает.

«Антэ Франжич, завтра мы с тобой непременно поговорим и, возможно, я задам тебе очень интересный вопрос».

Всю дорогу домой Паскаль больше ни о чем не думал. Он просто смотрел в прозрачные стенки трубопровода на проносящиеся мимо зеленые аллеи, прекрасные клумбы и сияющие радостью лица людей.

4

Немного о мироустройстве

Общества различных цивилизаций всегда обладали уникальным устройством политической, экономической и социальной сфер. Идеальный мир 2589—го не исключение. Хотя и с отсутствием множества негативных проявлений человеческой сущности можно утверждать, что некоторые из этих сфер переродились в нечто абсолютно иное. Но начнем по порядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.